

МИХАИЛ ЛАПИКОВ
АНДРЕЙ УЛАНОВ

ГЛУБОКАЯ
ОХОТА

Михаил Александрович Лапиков
Андрей Андреевич Уланов
Глубокая охота
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69149494

Глубокая охота: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»;

М.; 2023

ISBN 978-5-17-152847-8

Аннотация

Хорошо лётчику – он ведёт самолёт в облачном небе. Хорошо подводнику – он плывёт в тёмных глубинах. И только девушкам как-то не очень, когда на большой войне приходится заменять парней в тесных кабинах и отсеках. Но война долгая, а океан... Океан примет всех!

Основано на реальных событиях и слегка приглажено авторами, поскольку реальность земной Второй мировой войны сплошь и рядом оказывалась куда менее логичной и правдоподобной.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	59
Глава 5	77
Глава 6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Михаил Лапиков, Андрей Уланов Глубокая охота

© Лапиков Михаил, 2023

© Уланов Андрей, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть первая

Глава 1

Одно время я думал, что все хорошее дается нам свыше. Но после того как глубинные бомбы рвались вокруг меня целых пять минут, я быстро изменил свое мнение на этот счет.

Лейтенант флота Пауль Моллер

Подводник

Третья серия глубинных бомб легла дальше, хоть и тряхнула лодку. Четвертая серия – с кормы – звучала еще глуше. Пятая легла еще дальше в стороне. И затем – долгая тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием собравшихся в центральном посту да падением капель конденсата с потолочных труб.

– Отходит, – акустик произнес это, едва шевеля губами, но никто и не подумал переспросить. Где-то там, наверху, кто-то ровно так же держался за наушники, ловя каждый проходящий из глубины шёпот. – Разворачивается...

– Командир?

Молодой офицер стащил пилотку, провел рукой по макушке, словно пытаясь хоть немного пригладить короткий

форменный ёжик.

– Малый вперед, руль право двадцать. Отойдем и попробуем всплыть под перис... – он осекся, не договорив, потому что все в отсеке услышали новый звук, едва ли не самый страшный на свете – резкий, отрывистый импульс гидролокатора. И почти сразу за ним – глухие тяжелые удары о воду. Этот звук опередил погружающиеся бомбы, но совсем ненадолго. А потом стало темно...

Фон Хартманн, хмурясь, смотрел, как понурые курсанты один за другим выбираются из люка тренажера. Когда его только монтировали, кто-то предлагал подвести среди многочисленных фальшивых труб пяток настоящих, с холодной водичкой, чтобы в нужный момент добавить правильных ощущений. Жаль, техники отпинались: мол, у нас там электроприборы, вам развлечение, а нам после каждого такого дождика паять не перепаять. Но в целом и так неплохо получилось.

Последним, как положено, вылез «командир», он же староста класса, имевший самый унылый и помятый вид. Но – пока еще живой, хотя только что постарался этот факт исправить.

– Лейтенант флота Такахаси!

Парень затравленно глянул на преподавателя и попытался хотя бы расправить плечи.

– Вы хоть поняли, в чем была ваша ошибка?!

– Так точно, фрегат-капитан.

– Излагайте...

– Не уделил внимания первоначальному докладу акустика о сдвоенной цели... – уставясь на «волнистый» паркет, принялся перечислять незадачливый «командир», и лейтенант совершенно по-мальчишески шмыгнул носом, – не выждал.

– Положим, выждать бы у вас вряд ли получилось, – усмехнулся фон Хартманн. – Вы на сегодня последняя группа, так сидеть пришлось бы до-олго. Я человек одинокий, дома меня даже кошка не ждет...

– Неужели до утра бы сидели, Ярослав Ахмедович? – не выдержал кто-то из остававшихся снаружи. – Виноват, фрегат-капитан...

– До утра, – фон Хартманн оглянулся на бронзовые часы над входом, – вас точно не хватило бы.

Говорить, сколько именно курсантам пришлось бы сидеть в тренажере, он все же не стал. Хотя внутри не было часов и все свои перед «погружением» испытуемым полагалось сложить в отдельный ящик, но... понятное дело, правила существуют затем, чтобы их пытались нарушить. Не тюремщиков же вызывать для обыска, чтобы светили фонариком в рот и другие места, куда солнце не заглядывает.

– Данный тактический прием, – подходя к доске, Ярослав изобразил два расходящихся сторожевика и напротив них силуэт субмарины, – у нас получил название «атака с подкрадыванием». Один корабль старается удерживать постоянный контакт с подлодкой и передает данные о её месте на второй.

А тот на малом ходу выходит на позицию для атаки. А дальше, – фон Хартманн кивнул на тренажер, – вы сами все видели. Субмарина подход второго корабля не слышит, начать маневр уклонения не успевает. В последний момент импульсом гидролокатора уточняют позицию и накрывают серией глубинных бомб. Простая и очень эффективная схема.

Ярослав замолчал, обводя взглядом притихших курсантов.

– Мы узнали о ней четыре месяца назад, когда Е-275 после такой атаки смогла всплыть и вернуться. Теперь о ней знаете и вы. На сегодня всё, свободны.

Он держался, пока за последним из учеников не захлопнулась дверь. Потом опустил плечи – да что там, рухнул как мешок – на стул у стены, словно из надутого манекена в офицерской форме кто-то резко выпустил воздух. Вновь оглянувшись на дверь, вытащил из нагрудного кармана плоскую фляжку. С утра она была залита «под пробку», сейчас в ней оставалась примерно четверть, и этот остаток он влил в себя за пару глотков. Стало чуть легче... но всего лишь чуть, и даже удар с размаху обоими кулаками по столешнице не принес облегчения.

– Вот дерьмо, а...

Отвечать было некому – только с официального портрета сбоку от доски на происходящее укоризненно взирал адмирал Борщаго. Но старик этим занимался уже лет семьдесят, вне зависимости от происходящего в помещении. Даже ко-

гда в нем уже никого не оставалось и свет выключили.

На улице, впрочем, тоже было темно. Вечер пятницы, время «добровольной помощи воинам империи», то есть плановое отключение невоенных потребителей. Вдоль аллеи светила лишь каждая пятая лампочка, да и та желто, вполнекала – отражающаяся в лужах сквозь разрывы туч луна казалась куда ярче.

Собственно, видно было по большей части эти самые лужи – разбросанные по асфальту блестящие кляксы с черными точками опавших листьев. Ступив на одно из этих пятен, фон Хартманн запоздало вспомнил, что на правом башмаке уже неделю как разошелся шов. Надо бы отнести сапожнику, работы всего ничего, но все никак не получалось – другой обуви на осень в доме нет, не считая парадных сапог, а в них и на параде-то выглядишь дурачки...

Тут впереди появились два круглых белых пятна, и сгусток тьмы за ними обрел угловатые черты автомобиля. Пятна стали ярче, свет резанул по глазам, и пришлось прикрыться рукой. Сцена как из плохого детективного фильма, только это не кино, а трофейный «Горлов» он перестал носить еще весной. Глупо показалось таскать лишнее кило железа... район тихий, что ни дом – флотские отставники, а чаще – доживающие на половинную пенсию вдовы. Своей шпаны нет, а портовые так высоко в гору не заходят. Ибо взять с местных стариков почти что нечего, зато идти мимо «кумирни», она же «база подготовки № 4», и риск нарваться по дороге

на рыщущий в поисках самовольщиков патруль неприятно велик. А флотские – это не родная полиция, сначала отоварят прикладом по почкам для профилактики, а потом начнут ласково спрашивать, чьих ты, сукин сын, будешь и почему до сих пор от призыва бегаешь?

Жаль, сюда патрули не заходят, далеко...

Дверца машины звонко лязгнула, выпуская наружу что-то темное, длинное... и слегка сутулое. Водитель сделал два шага вперед, так что в конус фар попали ноги, край темно-синего пальто... выше, на лице тонко блеснули стекла, а под ними смутно белел... шарф?!

– Ю-ю?! Юрка?

Пожалуй, если бы в него все же выстрелили, фон Хартманн удивился бы меньше. Но Ю-ю, в своих узких очочках и с непременным шарфом, который он таскал почти в любую погоду, огребая одно замечание за другим... словно пробовина, в которую потоком хлынули воспоминания о той, прошлой жизни. Где было жаркое тропическое солнце над головой, солёный ветер в лицо, яркая зелень пальм на крохотных островках...

...и перечеркнутые делениями силуэты в перископе.

– В десятку, командир! – Крейсер-капитан Юсимура сделал еще шаг, сойдя с тротуара, и встал, заслоняя одну из фар. – Ты тоже почти не изменился.

Он протянул руку в перчатке, и Ярослав едва не пожал её по новообретенной привычке, лишь в последний миг спохва-

тившись и перехватив «локоть к локтю», старое приветствие подплава, *«для тех, кто нырял в одном стальном гробу»*.

– Давно не виделись. Год?

– Больше, – Юрий на миг задумался, – с прошлого лета. Последний раз мы виделись на церемонии прощания с Гансом Варензой.

Казенно-канцелярское «церемония прощания» для фон Хартманна прозвучало как гвоздь по стеклу. Похороны без мертвеца, зачем-то придуманный имперскими чинушами ритуал для тех, у кого никогда не будет могилы на суше.

– Не помню. Я в тот день был не в лучшей форме.

Особенно вечером. Кому он тогда порывался набить морду? Этой адмиральской гниде Генриху, за то, что посмел явиться? Или все-таки врезал пару раз? Мундир наутро был в пятнах крови, это факт...

– Это для нас всех был тяжелый день, – дипломатично согласился Юсимура. – Сядешь в машину? Есть разговор.

В щеку словно кольнуло ледяной иглой. Ярослав оглянулся – так и есть, по лужам начали расплываться круги. Осенний дождь – та еще дрянь, особенно на проспекте Спящих Героев после аллеи. Там ветер несет эти брызги почти параллельно земле, даже зонтик не спасает, а уж офицерский берет и вовсе. словно бы само небо подталкивало к нужному решению.

А в машине действительно было тепло и сухо.

– Твоя?

– Служебная, – быстро, словно извиняясь, сказал Юсимура. – Старая, конечно, но у нас в гараже хороший механик. Новых легковых у нас сейчас почти не делают, все производство занято под армейские вездеходы. Те красавицы, что бегают по центру, это по большей части экспорт, и там пошлина как бы не больше цены...

– Красиво жить не запретишь, – фыркнул Ярослав. – Точнее, запретить-то можно, но тогда начнется поиск обходных лазеек и всякое такое. Впрочем, эти новые, залищенные, мне лично не очень. В этих старых каретах на колёсах еще была душа мастера, а не просто кузовная штамповка.

– Да, что-то такое чувствуется, – Юрий нежно провел рукой по лакированной панели. – Куда поедем? К тебе, ко мне?

– А почему не в ресторан? Я хоть и не симпатичная курсистка, но сейчас бы от горячего не отказался.

– В заведение никак, – отрицательно мотнул головой крейсер-капитан. – Разговор серьёзный, Хан Глубины. Без чужих ушей в округе.

* * *

Человеку невежественному и необразованному
полезно листать книги хотя бы ради мудрости
эпиграфов.

Уинстон Черчилль

Администратор

Ответственный администратор Конфедерации, Исаак Стиллман, «Великий непоколебимый», спал в маленькой комнате отдыха при рабочем кабинете – с подушкой на ухе и скомканным одеялом под головой.

Где-то за стенами билось политическое сердце Конфедерации. В пулемётном темпе долбили в офисах печатные машинки и телетайпы. Выли на высоких оборотах барабаны скоростных электромеханических дешифровщиков. Щёлкали конвейерами подачи катушек и семафорами бюро дорожные, как хороший бомбардировщик, гипертекстовые картотеки «мемо-максов» аналитического отдела.

Исаак Стиллман упрямо спал. Как в любой иной день за все пять лет войны, перед выходом на вторую, уже вечернюю, рабочую смену. Прерывать час дневного сна он позволял только в том случае, если нога имперского десантника ступит на исконные земли отцов нации.

Пока что этого не случилось.

Пока.

Лёгкий ужин подали через пятнадцать минут. Как раз вовремя, чтобы скинуть дремоту и привести себя в рабочий вид.

Ответственный администратор посмотрел в тарелку, усмехнулся, поправил салфетку и принялся за морской салат. Как он сказал той ехидной журналистке? «Легко и необременительно служить примером умеренности в еде, когда вопросами питания вместо твоего повара начинает за-

ниматься твой врач».

Экономика сухопутного тыла Конфедерации трещала по швам который уже год. Нехитрую шутку сожрали быстрее горячего расстегая с визигой. Народ смеялся. А значит, страна всё ещё оставалась на стороне бессменного ответственного администратора. Даже сейчас, четверть века спустя, когда он всё ещё мог перебирать сорта кофе, а им всё чаще приходилось выбирать между «вроде бы кофе» и цикорием.

Конечно, всех ответственных администраторов, при ком началась большая война, переизбрали на очередной срок. Но вот после него? И после того, что за ним? Какое чудо оставит на верховном посту Конфедерации человека в ответе за очередную войну, когда та идёт вот уже пятый год?

Да, люди познали магию. Да, люди заменили её наукой. Да, они узнавали всё больше и про то, и про другое на дороге к неминуемой сингулярности, когда наука и магия сольются настолько, что окончательно перестанут отличаться друг от друга, а люди смогут всё.

Но лишь политику доступно подлинное чудо – остаться у руля там, куда почти четверть века назад он пришёл безымянным временщиком, отбыть короткий номер и кануть в политическое небытие.

Увы, даже у этого чуда есть свои границы. И в последние годы они напоминали о себе всё чаще.

Тарелки пропали, едва лишь ответственный администратор отставил их в сторону. Пропали... чтобы немедленно

вернуться. Молчаливые тени-прислуги без единого лишнего звука сервировали гостевой столик на одного посетителя. Самовар, фарфор, блюдечки с маковыми баранками...

«Ну да, — вспомнил Стиллман. — Какая-то молодёжная патриотическая организация. Явится очередная сушёная вобла из медной сотни и будет просить денег на бессмысленные парады. И как только согласование прошла?»

Чуть слышный шум за массивными створками гостевой двери кабинета заставил его изменить это мнение.

— Я договаривалась! — Скандал на таких оборотах в приёмной без хотя бы одной пары орденоносных командиров суперлинкоров из двух разных боярских родов казался чем-то небывалым. Тем не менее именно это там и происходило.

— Сам дурак!

Левая бровь Стиллмана чуть заметно дрогнула. В его приёмной оказывались разные гости, но такие откровенные в общении с непоколебимым паном Гжегожем, пожалуй, впервые.

— Подпись. Согласование. Печать. Виза. — Судя по глухим ударам, каждый аргумент от всей широты души припечатывался сверху кулаком по столу. — И только посмей не пустить, душа чернильная, мне по всем вашим обезьяньим ритуалам назначено!

— Пан Гжегож, в самом деле, пустите уже нашу посетительницу, — Стиллман не выдержал, прижал клавишу селектора и лично пришёл на помощь секретарю. — Не заставляй-

те даму ждать.

К тому, кто явится в его кабинет, жизнь ответственного администратора Исаака Стиллмана не готовила.

– Газель? – удивлённо спросил он. В девушке в изящно приталенном и явно сшитом на заказ псевдовоенном мундирчике – отличий ровно столько, чтобы не спутать его с настоящей формой морской ударной полусотни – ответственный администратор моментально признал собственную дочь. Отличницу, спортсменку и активистку. Но только сейчас Исаак Стиллман осознал, какой именно организации.

– Здравствуй, папа. – Юная гостья прошла к столу, оставила жалобно звякнувший фарфором поднос в сторону и плюхнула на столик чуть помятый ворох официального вида бумаг. – Я знаю, мы уже год не виделись, но извини, сегодня я к тебе не чаи гонять пришла.

– М-м?.. – Ответственный администратор чуть заметно поднял левую бровь.

– Мы с девочками хотим оказаться на действительной службе на благо Конфедерации! – выпалила Газель. И тут же добавила, на добивание: – Мама согласна!

– Гхрм. – Исаак Стиллман взял бумаги в руки. Прощение, сводка по сертификатам, пофамильный список... – А вы – это, простите, кто?

– Ну, я... – начала Газель. – И в порядке формирования актива Верзохина-Джурай, Марыська Пшешешенко, Сабурова-Сакаенко-младшая, Саманта Ньюберри, обе Тоямы и

дальше по списку ещё девяносто четыре фамилии. Если тебе интересно, да, примерно того же уровня.

«Ксо, шиматта, – подумал ответственный администратор. – И тут одни восточноимперцы!»

– Простите, Газель Исааковна, – официальным голосом произнёс отец, – а кем?

– А ты не видишь? – Газель демонстративно подёргала пижонский аксельбант псевдофлотской парадки. – Мы тебе две ударные полусотни бортовой флайт-станции родили. Истинное чудо порочного зачатия! Средний налёт около семисот часов. Сертификаты государственного образца. Инструкторы все уже военных лет, не годные к практической боевой по инвалидности.

При этих словах в памяти ответственного администратора всплыло какое-то неприятное воспоминание.

– То есть, – начал он, – тот отказ «В-Д Эйр Кантай» увеличить объёмы поставок флоту, несмотря на увеличение загрузки производства...

– Есть исполнение заказа наших тренировочных аэродромов на поставку современной боеспособной техники, – подтвердила дочь. – Замечательный скандал, да, пап? Все передовицы соберёт. Когда там у тебя перевыборы на календаре?

– Бабы на флоте?.. – демонстративно задумался Стиллман в ответ. – Ты представляешь, что мне адмиралы по этому поводу скажут?

– А что они скажут, папочка? Ты что, не понял? Здесь под-

писи всех. И девчонок, и матерей. Специально, чтобы твои заслуженные орденоносные педрилы могли потеряться всеми теми бумажками, которые решат куда-либо по этому поводу отправить, едва лишь поймут, на чьих жён и детей голос поднимают! – Газель спазматически задохнулась.

Администратор улыбнулся и промолчал. Он таких ошибок в своих публичных речах давно уже не совершал. К своему глубокому сожалению, такую искренность он себе мог позволить и того реже.

– А если ты сейчас этому не дашь ход – мы пойдём ко всем! – гневно продолжила дочь. – От Комитета солдатских матерей эмигрантских наций за право служить Конфедерации до каждого бульварного листка по «Москву сбоку» включительно! И можешь поверить, что у них мы сдерживаться на язык уже не станем!

– Газель Исааковна, – не отказал себе в удовольствии подколки Стиллман, – вы хотите сказать, что сейчас вы ещё сдерживаетесь?

– Да! – На стол упала ещё одна припечатанная для веса кулаком бумага. Гербовая, с печатями и золотым обрезом. – У меня тысяча двести часов налёта! Скажи мне, глядя в лицо: я лётчик морской ударной полусотни или болонка комнатная?

– Боюсь, – ответственный администратор с удовольствием следил, как с каждым его новым словом меняется лицо гостыи, – что в сложившейся на фронтах ситуации Конфедерации

рация не может себе позволить...

– Па-а-паа! – жалобно простонала Газель.

– Не может себе позволить, – с удовольствием повторил ответственный администратор, – игнорировать наличие в активном резерве двух слётанных и боеготовых полусотен ударного войска морского.

Газель завизжала так же, как в девять лет при виде новой плинкерной самозарядки, и повисла на шее ответственного администратора.

– Сейчас уходят в строй новые суда эскорта, – сказал он дочери на ухо, едва та хоть немного утихла. – «Кайзер-бэй», «Крамник-бэй», «Кемоно-бэй» и другие, всего шесть бортов. Восемь пятьсот ластов водоизмещения. Это даже не секрет, в газетах на этой неделе уже в сводках тыла наберут. Командовать таск-группой назначен Абрам Коясыч Такэхито, ему за утопленный с воздуха флагманский мегалинкор адмирала жёлтого флага вообще без единого голоса против дали. Капитанить на его подчинённые эскортники пойдут тоже все лётчики, из молодёжи чутка постарше вас. Я думаю, вы с ними сойдётесь. Давай прошение.

«К исполнению, – размашисто легли поверх листа алая резолюция и подпись, – И. Ст.».

Ответственный администратор покосился на часы. Общение с дочерью по делу заняло считанные минуты. От пятнадцати отведённых по регламенту оставалась ещё целая вечность.

– Дома-то всё как? – спросил он. Потеря такой роскоши, как почти десять минут семейного общения давно уже стала для ответственного администратора совершенно недопустимой.

Когда за гостьей закрылась дверь рабочего кабинета, а слуги подали на рабочий стол увесистую пачку вечерних газет, Стиллман вздохнул.

Он так и не смог признаться дочери, что отправка на флот сейчас, пока архипелаг замер в шатком равновесии, сотни, а то и больше, готовых к бою лёгких палубных истребителей-бомбардировщиков с экипажами стоит для него куда выше жизни младшей дочери или гипотетического скандала родовитых боярских самцов. Раз уж на то пошло, у детей Стиллмана от первой жены давно уже свои дети её возраста по академиям доучиваются.

– Эх, деточка... – Несколько прикосновений к рычажкам «мемо-макса», и тот послушно вывел на проектор микрофильмированную карту. – Знала бы ты, на что на самом деле подписываешься...

Архипелаг Всех Святых на свежей – только два часа назад уточнили – карте выглядел зазубренным ножом, устремлённым в сердце Конфедерации. И, несмотря на усилия флота, ни одна из сторон пока не добилась уверенного перевеса – исход войны пока что балансировал на лезвии того самого ножа.

В боях за архипелаг тонули и горели даже мегалинкоры.

Десятками. Эскортную шваль там и считать вряд ли кто-то станет. Только не этим летом, на пятый год войны.

Ответственный администратор ещё раз посмотрел на значки флотов, недовольно отстучал грубую мелодию по лакированной крышке «мемо-макса» и всё же поднял трубку канцелярии.

– Пан Гжегож, уведомите адмирала Белого флота о пятнадцатиминутной рабочей беседе, – сказал он. – Завтра, в присутственные часы штаба, в обычном порядке.

Свой запас чудес Исаак Стиллман истратил на то, чтобы остаться у власти. Но там, где не хватает чудес, годится простая абсолютная власть. И тогда вполне может оказаться, что твои личные проблемы вдруг станут для кого-то вопросом жизни, смерти и карьеры, и он примется решать их за тебя. Решать со всем пылом обречённого.

Глава 2

Некоторые корабли спроектированы так, чтобы затонуть самостоятельно. Другим нужна наша помощь.

Старшина 2-го класса Натан Зельк

Подводник

Каждый из тех, кого коснулась глубина, сходит с ума по-своему. В выборе жилья это тоже проявляется. Сам фон Хартманн вряд ли мог внятно сказать, зачем он снял половину дома, целых семь комнат. За полтора года Ярослав освоил кухню и гостиную, на диване в которой спать было значительно удобнее, чем на кровати в спальне, – это скрипучее чудовище с массивными дубовыми ножками и балдахином наверняка помнило еще дедушку нынешнего императора, причем пускающим слюни младенцем. В следующей за спальней комнате – кабинет, а может, библиотека – фрегат-капитан складировал пустые бутылки. Дальше располагалась ванная комната с собственно ванной. Огромное мраморное сооружение, в котором не хватало разве что пары островов с пальмами. Следующей была бывшая детская. Именно в ней в один из набегов фон Хартманн нашел железную дорогу и запас рельсов для «Великой трансквартирной магистрали». Впрочем, детская была уже фронтиром цивилизованного мира. За ней начинались дикие, неизведанные земли, где обитали призраки бывших жильцов, пауки,

единороги, ну и, конечно же, драконы. Намеченная еще на прошлое лето картографическая экспедиция отложила на год из-за нехватки снаряжения. Из длинного списка нашёлся только компас, а отправляться в длительный поход без ледоруба и палатки фон Хартманн не рискнул.

В общем, у этого жилья была масса недостатков и всего лишь одно достоинство – много места. Вправо, влево и даже вверх, до высоких потолков с лепниной в старинном стиле. До них даже нельзя было допрыгнуть. Очень. Много. Места. Особенно для человека, который провел уйму времени в каюте, где нельзя даже толком выпрямиться.

Ю-ю выбрал иначе.

Когда машина остановилась на улочке Старого города, фон Хартманн поначалу решил, что крейсер-капитан передумал и они все-таки разыщут какое-нибудь полуночное заведение. По его мнению, в Старом городе остались только банки, адвокатские конторы, полдюжины бессовестно дорогих магазинов и куча кабаков различной степени пристойности. Ну еще пара-тройка отелей для состоятельных любителей старины – с приставкой «псевдо», потому что в настоящем доме позапрошлого века такие постояльцы уже к полудню взвоют от отсутствия привычных им удобств.

Но, как оказалось, тут еще и просто жили. В глубине лестничного проема виднелась даже решетка подъемника, однако Ю-ю уверенно направился к ступеням.

– Этой штукой лучше не пользоваться, – не оборачиваясь,

пояснил он, — у меня шестой этаж, но... сосед один раз застрял... пока спохватились, пока вызвали ремонтную бригаду, пока те возились... в общем, часов семь он там просидел.

— Семь часов — это не так уж и много, тем более когда не бомбят. Но... разве тут не пять этажей?

— Бывший чердак. На «той стороне» это называют мансардой.

— Звучит непривычно.

— Да. Но выглядит уютно. Впрочем, сейчас ты сам увидишь. Главное, о стропила головой не приложишься. Яркий свет я зажигать не хочу: мошкара налетит, бабочки всякие...

Удара о здоровенное бревно Ярослав избежал, но в процессе лавирования едва не снес плечом висевший на стене штурвал, затем письменный стол и решил, что без лоцмана нормальному человеку в этих узостях делать нечего. Ю-ю тем временем уже успел скатать и засунуть в шкаф футон с пола напротив окна, а на его место вытащить откуда-то из углового сумрака круглый столик и два легких плетеных стула.

— Что будешь? Чай, кофе... или что покрепче?

— А у тебя есть настоящий кофе?

— Работа в штабе имеет свои плюсы, — улыбнулся Юсимура. — Что еще? Сливков не предложу, а вот сахар кусковой есть.

— Можно и без сахара. Хочу вспомнить вкус...

— Понял.

Обогнув бревно с противоположной стороны, Ю-ю про-

шел на кухню. Пока он колдовал с джезвой, фон Хартманн распахнул окно – и понял, что именно имел в виду Юрий, когда говорил: «сам увидишь». Не внутренность этой... «мансарды», а спускающуюся к порту мешанину черепичных крыш, флюгеров, дымовых труб и проводов. А вот один из флюгеров ожил – выгнулся дугой, потянувшись, неторопливо прошествовал по коньку крыши, спрыгнул на водосточный желоб и затем куда-то вниз.

Из этой череды выделялась лишь церковь Девы-хранильницы – вертикальная белая свеча с золотым огоньком купола. А еще дальше перемигивался разноцветными огнями порт, где с приходом темноты активность становилась лишь чуть менее бешеной, чем в светлое время суток.

– Впечатляет, правда?

– Похоже на картину.

– Это и есть картина. – Ю-ю осторожно поставил на стол две крохотные чашки. Из-за белого фарфора дымящийся напиток выглядел концентрированной чернотой. – Велемир Куросава, «Старые крыши», висит в галерее при ратуше как образец пейзажной живописи последней четверти прошлого века. Мне стало интересно, с какой точки художник смог увидеть город *таким*... Немного порылся в городском архиве, нашёл адрес... Тогда среди богемы как раз была мода на житье в мансардах. Оказалось, что его старая квартира сдаётся... и мне здесь понравилось. Конечно, наклонные стены часть пространства отъедают, но мне оставшегося хватает.

– Зная тебя, подозреваю, что ты и ночуешь дома через раз или реже, – засмеялся Ярослав. – Как там вообще дела на Архипелаге? Кто побеждает, мы их или они нас?

– А ты разве не слушаешь радио и не читаешь газет? Как раз недавно наш доблестный флот одержал очередную великую победу...

– ...пустив на дно Пятую и Седьмую эскадры Конфедерации практически в полном составе... – подхватил фон Хартманн. – Причем Седьмую за последние два года уже в третий раз, первое сообщение мы принимали еще на лодке. Вы бы намекнули министерству лжи и дезинформации, пусть хотя бы чаще меняют номера в победных релициях. Не знаю, как сейчас, а в наше время даже мальчишки порой знали составы флотов. Может, и не до крейсера, но уж все линкоры я мог назвать в любое время дня и ночи.

– Положим, даже в наше время не все бредили морем, как ты, командир, – возразил Ю-ю. – Да и что это за «наше время»? Насколько ты старше своих курсантов, Хан Глубины? Семь лет или все восемь?

– Лучше измерять в потопленном тоннаже, – спокойно произнес Ярослав. – Или в глубинных бомбах. Помнишь, как нас загнали под воду в проливе Желтой Рыбы?

– Забудешь такое...

– Мне под конец уже стало почти все равно, – признался фон Хартманн. – Понятно, что не уйти... Если бы в тот момент лодка могла подняться, наверное, я бы всплыл и выки-

нул белый флаг... ну или что там у нас еще было относительно белое – скатерть, передник кока или его подштанники...

– Точно не их! – со смехом перебил его Ю-ю. – Уверен, белых подштанников на лодке не осталось!

– ...а ты сидишь напротив, спокойный как удав, ставишь черточки при каждом взрыве. И мне вдруг стало жутко интересно, что кончится раньше: их бомбы или листки в твоём блокноте?

– Вот оно, значит, как... – Юсимура вздохнул. – А ведь на самом деле я внутри дрожал как кролик... уже почти проглоченный удавом. Держала... и не только меня, весь экипаж... одна мысль: с нами Хан Глубины, он знает, что делает. И он всегда побеждает. Забавно... Кстати, все хотел спросить: а почему «Хан»?

– Наш род идет от степных кочевников. Еще до Перехода, разумеется. Половцы, печенеги...

– Серьезно? Ты же блондин!

– А ты что, много печенегов знаешь?

Юрий не нашелся с ответом, и фон Хартманн воспользовался этой паузой, чтобы попробовать кофе. Горячий, но уже остыл ровно настолько, чтобы сделать первый глоток. После чего на миг закрыть глаза, пытаясь распознать хотя бы главные оттенки густой до вязкости жидкости. Фрукт? Яблочный или ближе к абрикосу... карамельная сладость... и что-то цветочное? Нет, пожалуй, жареный хлеб, вроде тех булочек, которые подают с утра в здешних ресторанчиках.

...Совсем как на маленьком острове, куда их лодка зашла в первый месяц войны. Длинный деревянный пирс и на берегу за ним гора мешков с драгоценными зернами. На вопрос о цене управляющий – здоровенный краснолицый тип с татуировкой «Первой пехотной» на плече и здоровенным же револьвером в открытой кобуре – равнодушно махнул рукой: «Берите сколько хотите, парни. Компания радировала, что парохода не будет. Если успеют, за мной пришлют старый барк, если нет... запалить тут все я точно успею, у меня еще три ящика взрывчатки припасены».

– Ну что, будем считать ритуал вежливости завершенным?

– Ритуал?

– Юрий... не порти вкус хорошего кофе, давай начистоту. Зачем-то я понадобился... лично тебе. Иначе ты бы и дальше старался забыть о моем существовании, как у тебя успешно получалось все предыдущие месяцы.

– Ты сам этого захотел, командир.

Это тоже было правдой. Все те слова, что сказаны в тот день... он словно кидал их в лица стоящим на мостике офицерам. Что ж, у него была отличная команда, и они выполнили последний приказ своего командира. Правда... которую фон Хартманн уже тысячу раз предпочел бы забыть, но вместе с тем был уверен, что в любой момент поступил бы ровно так же. Потому что никто из них не мог дать ему то единственное, что было нужно, а жалость... Жалость – это

не для Хана Глубины.

– Да, так захотел я. И что изменилось?

– Есть работа для тебя, командир.

Фарфор был хорош – хрупкая с виду ручка не разлетелась и даже не треснула. Ярослав сделал глубокий вдох и медленно поставил чашку обратно на стол.

– У меня уже есть работа.

– Ты же понял меня, так ведь, Ярослав? Есть работа, которую можешь сделать только ты. Живая легенда флота, один из «первой дюжины», перевалившей за сотню тысяч утопленного тоннажа.

– Я не один такой.

– Один. Другие либо поднялись выше... их нерационально использовать...

– ...или уже лежат на дне морском, – кивнул Ярослав. – Да, в этом смысле я уникален. А в чём подвох?

– Подвох?

– Мышка, мышка, смотри какой сыр, сказала кошка, тебе всего-то надо высунуться из норки. Ю-ю, меня списывали на берег три медкомиссии подряд, последнюю печать ставил дворцовый врач. Такой балласт просто не сбросишь.

– С тех пор прошло время, командир. Многое изменилось. Ты и сам уже мог бы потребовать переосвидетельствования, если бы захотел.

– Думаешь, я не... Ладно, это не важно. В чем подвох, Ю-ю?!

– Я и так уже сказал тебе больше, чем должен был, – твердо произнес Юсимура. – Остальное – лишь когда подпишешь бумаги. Это не шутка, командир. Высшая степень секретности, за разглашение – только расстрел.

– Даже так?! Похоже, эта твоя работа для любителя нырять глубоко в дерьмо.

– Может, и так. Но зато на своей подводной лодке.

Секретно

От: адмирала эскадры в отставке Марка Кусанаги

В: 1-й (оперативный) отдел Морского штаба

Переслано: во 2-е Управление Министерства информации

...В подтверждение своей точки зрения позволю привести некоторые подсчеты. К моменту начала войны флот Конфедерации насчитывал в своем составе 83 линкора по самым верхним оценкам – включая трехдечный парусный линкор «Возмездие», пришвартованный напротив Дворца правосудия в качестве корабля-музея. Согласно сообщениям наших информационных агентств, на текущий момент противник потерял не менее 423 линейных кораблей и при этом продолжает сохранять боеспособность и оказывать сопротивление. В мирное время цикл постройки линейного корабля составлял не менее трех лет, и, хотя во время войны этот цикл может быть ускорен, представляется крайне сомнительным, чтобы конфедераты научились собирать линкоры как рисо-

вые шарики. Учитывая же, что темпы перевода промышленности Конфедерации на военные нужды, согласно нашим же заявлениям, значительно уступают достигнутого Империей, я боюсь, что подобное жонглирование цифрами может оказать на неокрепшие умы противоположный результат, устранив их явным превосходством противника...

Резолюция начальника 3-го отдела

2-го Управления Министерства информации

Передайте этому старому хрычу, чтобы считал свою пенсию и не лез куда не просили. Те, кому положено по должности, работают с реальными данными. От простых обывателей и нижних чинов требуется радоваться победам имперского оружия и вовремя подписываться на военные займы. Кто будет чего-то считать и тем более распространять пораженческие слухи, на первый раз получит пять ударов бамбуком по пяткам, а в случае рецидива поедет к императорским пингвинам.

* * *

Исторически Конфедерация традиционно и привычно оказывается недостаточно подготовленной к новой войне. Демократия порождает иллюзию всезнания. При любом выборе решений преобладают люди, заинтересованные прежде всего в личном благополучии. Победы раздуваются, пораже-

ния замалчиваются. Подлые сословия имеют право голоса, но при этом не понимают сути процессов экономики, внутренней и внешней политики. С учётом всего сказанного не удивляет, что политика Конфедерации деградировала и выродилась в продвижение крайне посредственных решений силами описанного выше дефективного электората.

Абрам Коясович Такэхито.

«Влияние национальной политики на стратегию Конфедерации», военно-морская академия

Флайт-старишина

– Проходите, господа, устраивайтесь. – В сухопутной ипостаси адмирал Конфедерации Абрам Коясович Такэхито мог себе позволить то, чего на мостике не допускал ни при каких обстоятельствах – доброжелательную мимику и человеческий голос. – Я знаю, вы не курите, так что сигар не предлагаю, но, может быть, ставленный мёд и салат из острой редьки в маринаде чили? Всё-таки у нас всех сегодня очень веский повод.

– Как-то не так я себе представлял особняк потомственного аристократа и адмирала Конфедерации. – Флайт-старишина второй косой ударной полусотни Айвен Иванович Такэда растерялся настолько, что произнёс крамольную мысль вслух.

– За десятки лет на службе обрастаешь мелочами, как днище – ракушками, – улыбнулся адмирал. – Так что в какой-то момент возникает естественное желание хотя бы вре-

менно сменить обстановку и угол зрения.

В небольшой угловой комнате с застеклёнными от пола до потолка внешними стенами всей мебели только и оказалось, что шесть циновок на полу и невысокий столик. Ну ещё оружейная стойка и традиционная для знатного рода гербовая ниша при щитах и флагах – но глухая, домашняя. По уличной стороне, точно за частой деревянной решёткой двойных, на имперский манер, стёкол, комнату обрамлял настил из полированного тропического дерева. Почти вплотную к нему буйно и без малейшей иллюзии порядка раскидал ветви крыжовник.

В приоткрытой створке французского окна покачивалась на ветру мезуза с выдавленными золотом по цветной глазури звездой Давида, буквой «Шин» и символическим изображением православных куполов оставшегося неизвестно где века назад Иерусалима.

Вместо традиционного плетёного хвоста-двухцветки свисал длинный шёлковый прямоугольник храмовой бело-голубой офуды и тонкие металлические трубочки колокольчиков под ней. Всё это чуть слышно позвякивало.

Набольший флайт-старшина первой косой ударной полусотни Даллен Илайя МакХэмилл с традиционной аристократической невозмутимостью, будто это он тут представляет восточные роды Конфедерации, прошёл к столику и сложился в подобающую родовитому аристократу позу как хороший штурманский циркуль – ровно и совершенно беззвучно.

Айвен попробовал в меру сил повторить всё то же самое и, конечно, сделал это слишком шумно и слишком неловко. Тень улыбки на лице МакХэмилла трактовать иначе не получалось.

Одна из бесчисленных содержанок адмирала молча и невероятно расторопно сервировала гостям столик и вновь скрылась за декоративной перегородкой, не переставая мило и совершенно искренне улыбаться.

– Ну, за флот! – поднял тост адмирал Такэхито.

Выпили за флот.

– Ну, за Конфедерацию, – на правах одного из немногочисленных представителей родов-основателей продолжил Даллен МакХэмилл.

– За тех, кто в море! – На третьем бокале Айвен Такэда ожидаемо помрачнел.

Не в меру наглый предвоенный гибрид, быстроходный авианесущий линкор «Композитор Лопшо Педунь» из своего последнего боя привёз разбитую носовую батарею главного калибра – уцелела одна башня из трёх, – стофутовый чёрный провал на месте подрыва кормовой ниши торпедных аппаратов, несколько десятков снарядных пробоин, фигурное стальное кружево вместо большинства отсеков командного «острова» и обкусанную со всех сторон лётную палубу.

Не привёз же он большую часть двух косых полусотен ударного войска морского – первой командовал по родовому старшинству Даллен Илайя МакХэмилл, второй, по за-

слугам, Айвен Иванович Такэда.

От шестидесяти четырёх самолётов осталось три и четырнадцать неполных экипажей. Кого-то успели выловить из моря до начала отхода с позиций, кто-то сумел дотянуть туда, где их смогли подобрать. Всех остальных лётчиков и стрелков безвозвратно пожрали несколько сотен квадратных миль совершенно пустого океана, формально оставшихся за Империей.

Конечно, третья бомба-тысячефунтовка оказалась по-настоящему «золотой» и вызвала мощный пожар в уязвимом нутре имперского мегалинкора «Адмирал Брен ван ден Бор». Лучшего места для срабатывания её взрывной начинки не могли отыскать и при всём желании бомбардировщика. В новых атаках ударных полусотен, волнами, чтобы не дать толком бороться за живучесть, линкор всё больше терял ход, пока не зарылся носом в голубые волны юго-юго-восточнее архипелага Всех Святых.

Но из каждого нового вылета обратно возвращалось все меньше и меньше экипажей – пока Такэда не разбил последний самолёт на посадке.

МакХэмилла забирали с воды.

– Известно что-нибудь о сроках прибытия новых экипажей, Такэхито-доно? – спросил он, из-за всё тех же невесёлых мыслей в голове.

– Остатки лётных полусотен уйдут на усиление других строевых бортов, – невозмутимо ответил адмирал. – «Ком-

позитор Лопшо Педунь» встанет на очередь пополнения не раньше завершения ремонта. То есть в срок от девяноста суток до неизвестности. Уничтоженное оборудование командного «острова» на складах в форме готовых комплектов отсутствует. Совместимые компоненты зарезервированы на финальную отделку мегалинкоров новой таск-группы в составе Белого флота.

– А как же, – МакХэмилл запнулся, – мы? Такэхито-доно?

– Как вы знаете, господа флайт-старшины, успех первичной боевой задачи в нашем случае измерялся не в том, за кем останется пустой кусок океанской глади, а в том, чего это будет стоить противнику. И в штабах нужные выводы сделали, – адмирал с удовольствием покосился на жёлтый адмиральский флаг в гербовой нише кабинета. – Да, сделали. Конечно, твердолобые консерваторы не торопятся сдавать позиции, но и мы топили «Железнобокого Брена» не одной бомбой. Вашему адмиралу кинули «на-и-отвяжись».

– С жёлтым флагом? – недоверчиво уточнил Айвен.

– С жёлтым флагом, – адмирал Такэхито жмурился как довольный кот под абажуром тёплой лампы. – Мне предложили возглавить тяжёлую эскортную группу с индивидуальной постановкой боевой задачи. Поэтому «Музыканта» при всех его достоинствах нам просто не вернут. Но дадут новые «Заливы» – ВАС-61 «Кайзер-бэй» и ВАС-62 «Крамник-бэй». Можно сказать, почти то же самое. Два борта по восемь пятьсот ластов водоизмещения каждый против одно-

го шестнадцатитысячника. Да это даже не корабли, а *суда*, – Такэхито сказал, как выплюнул, – «черные сапоги» не смогли не подгадить. Зато каждому, с повышением. Так что, хотя и неформально, мои поздравления. Вы тоже это заслужили, а у меня теперь есть авторитет для подобного назначения.

– Так это что, я теперь набольший голова ударной полусотни? – недоверчиво переспросил Айвен. – Такэхито-доно?

– Нет, конечно, – усмехнулся адмирал. – Во-первых, не теперь, а с двадцать первого числа текущего месяца, после оформления бумаг в уставном порядке. Во-вторых, не голова, а флотский походный капитан вспомогательного авианесущего судна Конфедерации ВАС-61 «Кайзер-бэй». В-третьих, хотя вы и не тот, кому нужны подобные напоминания, обращаю внимание, что вы должны с этого момента иметь полный комплект офицерской формы. В том числе летний и зимний. С учётом трудностей его своевременной постройки визит к моему личному портному я назначил вам на десять часов утра завтра.

– Шиматта-а, – протянул Такэда.

– Она самая, – улыбнулся адмирал Такэхито. МакХэмилл демонстративно фыркнул в бокал.

– Отставить смеяться над адмиралом. – Такэхито лениво отпил глоток медовухи и зажевал хрустящей нарезкой. – Меня поставили доказывать свою правоту. В ситуации, когда мне очень трудно доказать свою правоту. Если мы не сможем, то лётчики так и продолжат бездарно гореть в обслужи-

вании прихотей орденоносных родовитых дубов на мостиках линкоров.

– С неизвестно какими флайт-полусотнями, – скептически уточнил Такэда. – И двумя недавними флайт-старшинами на мостиках вместо полноценных капитанов.

– А мне полноценный бесполезен, – отрезал Такэхито. – Для моих задач нужен человек с трёхмерным мышлением. Объясните мне, старому дураку, почему я, который в это всё пришёл три войны назад, подводником, решение в трёхмерном охвате морской подвижной цели вижу, а штабы – нет?

– Возможно, потому, что вы еретик и визионер? – невозможно спросил МакХэмилл. – Такэхито-доно.

– А возможно, потому, что хотя имперцы – наш противник, настоящие враги Конфедерации – проклятые демократы? – раздражённо поинтересовался адмирал. – Даже Стиллман, единственный подлинный отец нации в этой стране, и тот вынужден играть по их дурацким правилам!

– При всём уважении, но он же сам демократ? – удивился Айвен Такэда.

– Вот именно! – отрезал адмирал Такэхито. – И я даже гадать не хочу, чего ему стоило вновь и вновь переигрывать это гнусное кубло по их собственным правилам вот уже битые четверть века подряд! Некоторые императоры меньше на Янтарном троне сидели!

В комнате повисло тяжёлое политизированное молчание.

– Ладно. – Адмирал Такэхито демонстративно шумно от-

хлебнул из бокала и немедленно закусил. – Зато он хотя бы здесь играет в нашу пользу. Вы получите новые полусотни. Средний тренировочный налёт превышает семьсот часов.

– Сколько? – не поверил МакХэмилл.

Звучало это действительно невероятно. Семь сотен часов тренировочного налёта выглядели бы вполне весомо даже по строгим довоенным требованиям. Сейчас же за каждого такого пилота вполне могли бы сойтись на дуэли даже флайт-атаманы.

– Семьсот, – повторил с удовольствием адмирал. – У набольших старшин точно за тысячу. Все добровольцы. Как минимум восемь достаточно сильны, чтобы при посадке ночью или в туман ориентироваться по родовым силам на дальности около мили с четвертью. Так что можете считать, что ваша давняя подписка неразглашения только что обновлена, и теперь у вас будет суммарно как минимум два звена ночных и туманных экипажей, которые вы сможете полноценно натаскать с учётом собственного лётного опыта.

– Мой лётный опыт говорит, – театрально вздохнул МакХэмилл, – что пока в кабине самолёта не появится нормальный радарный визор с частотой обновления картинки в реальном времени и точными цифрами относительных высоты и скорости палубы, всё это есть форма жонглирования горящими факелами верхом на уницикле посреди лужи авиационного бензина, Такэхито-доно.

– А мне бесполезен энтузиаст, который в ответ на каждую

неудачу лишь требует больше экипажей на убой! – парировал адмирал. – Мне нужен человек, который видел пределы возможностей самолёта и экипажа. Сам. А потом – успешно превзошёл. Теперь ваша задача – научить этому других. Не в ущерб главной, разумеется. Но можете поверить, с учётом всего остального: вам очень помогут эти звенья в боеготовой и слётанной форме!

– Нам имеет смысл заранее узнать, что от нас требуется совершить, Такэхито-доно? – спросил Такэда.

– Увы, да. – Адмирал отставил жалобно звякнувший бокал обратно на поднос. – Видите ли, есть у всего этого одна главная и, что хуже всего, принципиально неустраняемая, проблема...

Глава 3

Потерять новейшую подводную лодку из-за неисправности в гальюне? Да проще простого!

Капитан-лейтенант Карл-Адольф Шлитт, бывший командир U-1206¹

Подводник

Когда-то давно кто-то из великих корабелов сказал: «Хорошо ходят лишь красивые корабли». Стоящая у пирса субмарина действительно была красива – особенной, обтекаемо хищной красотой. Передний скос рубки сразу заставлял вспомнить, как режет волну акулий плавник, а полосы «жабр» – носовых торпедных аппаратов – и длинный «хвост» рулей лишь усиливали сходство с грозой морей.

В глубине души фон Хартманну новая подводная лодка нравилась.

Однако эта глубина была не менее полутора вёрст. Опуститься туда можно было бы лишь на легендарном батискафе «Первопроходец», если бы на его тянущуюся уже седьмой год достройку океанологическое отделение Императорской Академии наук изыскало наконец ресурсы и деньги – например, выиграв их в офицерском казино. Внешне же фрегат-капитан выглядел так, словно только что вступил в здо-

---

¹ Немецкая подводная лодка, затонувшая из-за неудачной попытки торпедиста починить носовой гальюн.

ровенную лепешку коровьего дерьма и теперь пытается осознать масштабы бедствия – завязли оба ботинка или только правый, но по колено?

– «Йуный имперец»... – Ярослав нарочно искажил первое слово в названии. – У флота закончились более традиционные имена?

– Головная субмарина серии ПКДД-47УМ частично построена на средства, собранные по подписке среди членов императорского общества юных помощников флота, – отчеканил сопровождавший его техник-лейтенант из «заводского» экипажа и, перелистнув страницу тетради, добавил: – Из собранного ими металлолома.

Стоявший за спиной лейтенанта главный боцман Побейзайчик при этих словах закатил глаза, став на миг похожим на упыря из лубочных брошюр, но комментировать слова начальства не рискнул.

Фон Хартманну же очень хотелось отобрать эту чертову тетрадь и начать ею же лупить до тех пор, пока техник-лейтенант не расколется и не начнет говорить человеческим языком, а не цитатами из рассылок министерства лжи и дезинформации. По слухам, подобными шутками баловались в уголовной полиции, когда требовалось добиться от подозреваемого показаний без особо заметных следов интенсивного допроса. Там использовали телефонные справочники, но тетрадь была хорошая, толстая, с обложкой из темно-рыжей «шкуры молодого дерматина», и Ярослав был уверен, что с

её помощью удалось бы достичь не менее выдающихся результатов.

Обычно экипаж принимал новую подлодку прямо на верфи. При этом, если командир не хлопал ушами, с работниками завода – лучше всего с бригадирами – можно было пропустить в укромных местах гильзу-другую «протирки оптических осей перископа» и заодно узнать, какие сюрпризы может преподнести новая «рыбка». Но в этот раз окутавшая все и вся завеса секретности спутала карты – приемкой субмарины и сдаточными испытаниями занимался временный экипаж из учебной флотилии. С техник-лейтенантом из этого самого временного экипажа такой номер вряд ли был осуществим. Ярослав уже не раз встречал таких «оловянных моряков», с подкисшей рисовой кашей вместо мозгов. Государственный сиротский приют, училище подплава... Чем дольше шла война, тем больше их появлялось, одинаковых, как миниатюрные фигурки набора «героический экипаж». Наверняка этот тип даже не в курсе, что сорок седьмая серия «Подводных крейсеров дальнего действия, улучшенная, модернизированная» в обиходе уже получила прозвище «Полный Кабздец Даже не Думай Утонет Моментально».

И это было вдвойне плохо, потому что фон Хартманну также очень хотелось надраться до потери сознания. Увы, эта мечта была куда более эфемерна.

Уже поднимаясь на рубку, он все же не удержался от очередной подколки:

– А белый цвет, это чтобы вражеским самолетам было удобнее на перископной глубине различать?

– Инновационная краска «унтерзее-широй нидзю ичи тайпу», – на этот раз технику-лейтенанту даже не потребовалось заглядывать в тетрадку, – при высыхании создаёт характерную микропористую фибру, которая более эффективно рассеивает и поглощает направленные сигналы гидролокатора!

Фон Хартманн пересмотрел свою оценку. Тут явно требовались не мягкие и гуманные методы уголовной полиции, а куда более эффективные методики контрразведки флота. Впрочем, по тем же слухам, с «инновационной краской» пока что не смогла справиться и контр разведка: слишком близко от дворца – или даже трона! – находились интересные. Хотя четыре испытания подряд не зафиксировали обещанного «эффекта рассеивания и поглощения» в размерах, выходящих за рамки погрешности приборов, краску продолжали закупать. К радости подводников, из-за дороговизны и сложности технологического процесса хватало её не на все подводные лодки, но тут Ярославу не повезло.

– Артиллерийское вооружение субмарины представлено двумя зенитными башнями со спаренными десятилинейными автоматами. Кроме того, в обтекателе за рубкой находится четырехдюймовое универсальное орудие морской баллистики.

– А здесь, – фон Хартманн указал носком ботинка на здо-

ровенный овальный люк в задней части площадки, – что находится?

– Специальное оборудование, фрегат-капитан!

– Что-что?!

– Мы, вашвысблагородие, не знаем, чего там находится, – решил помочь своему начальству Побейзайчик, – секретный, значит, агрегат, не было к нему инструкций... Да вообще велено было в ту сторону глядеть пореже. Тут эдакого много.

– Вот как, – медленно произнес Ярослав. – А я правильно понимаю, что все эти «секретные агрегаты» в ходе сдаточных испытаний не проверялись?

– Так точно, фрегат-капитан! – уставившись куда-то мимо фон Хартманна, отчеканил техник-лейтенант. – Вся аппаратура, относящаяся к высшей степени секретности, была проверена на берегу специальной комиссией Генерального морского штаба и перед выходом закрыта и опечатана.

Ярослав не без труда удержался, чтобы прямо здесь и сейчас не заорать в лицо этому болванчику: «А тогда какого хрена царя морского вы тут вообще испытывали?!» Он пока не был уверен, что хочет знать ответ на этот вопрос. К тому же конкретно в этом техник-лейтенант, при всей своей оловянности, был не виноват. Если хорошо подумать, даже Ю-ю был не виноват. Он, конечно, подвесил перед Ярославом вкусно пахнущую наживку – ну так подставой океанского масштаба от неё пахло за версту. И что кое-кто её в итоге

радостно, с хрустом и чавканьем, зажевал – виноват лишь он и никто другой. Теперь это *моя* куча дерьма... моя подводная лодка.

Снова спустившись вниз, он взялся за маховик внешнего люка, провернул, начал тянуть... Люк распахнулся неожиданно легко. По крайней мере, эту мелочь конструкторы предусмотрели – на старых субмаринах тугие и тяжелые люки заслужили не одну тысячу проклятий за драгоценные секунды, потраченные на борьбу с ними. А вот за люком... Фон Хартманн посмотрел на щуплого техника-лейтенанта, затем на куда более широкоплечего и массивного главного боцмана, пытаюсь представить, как тот вообще проходил сквозь это «игольное ушко».

– Там и внизу все такое, вашвысблагородие, – правильно истолковал его взгляд Побейзайчик и потёр лоб, видимо, припоминая последствия передвижения внутри подводной лодки. – Не совсем шоб лилипутское, но такое... небольшое.

– Согласно спецификации, ПКДД-47УМ проектировалась, исходя из среднего роста членов экипажа не более чем два аршина три вершка, фрегат-капитан! – неожиданно сообщил техник-лейтенант. – Это позволило добиться значительной экономии на объеме жилых помещений прочного корпуса и повысить боевые характеристики подводной лодки.

Сказал он это, глядя на фон Хартманна снизу вверх. До этого дня фрегат-капитан со своими двумя аршинами и ше-

стью вершками считал себя человеком среднего роста, который здоровякам из гвардейского полка доставал примерно до плеча.

Ярослав еще раз посмотрел на главного боцмана, затем перевел взгляд на лаз в недра субмарины и попытался представить, как по нему будут подавать унитары четырехдюймовки, с их длинными, как чины министерства двора, гильзами. Или хотя бы магазины к зенитным автоматам. Не подстегнутая алкоголем фантазия объявила сидячую забастовку.

– Идем вниз, фрегат-капитан?

Фон Хартманн ответил не сразу. На самом деле он уже медленно погружался – в идущие от люка запахи, неповторимую и ни с чем не сравнимую смесь, которой обладает лишь недавно спущенная со стапелей подводная лодка. Пока еще по большей части резкие, химически чистые – дизельное топливо, трансформаторное масло, характерный «электрический» запах аккумуляторных ям, смазка, свежая краска. Очень скоро в этот «букет» добавится много всякой сложной органики, а потом нос притерпится и утратит чувствительность. Но пока... пока что подлодка была чиста, как новый меч, только и ждущий, что его возьмут в руку...

...И дадут отведать крови.

Секретно в высшей степени!

Выдержки из рапорта техника-лейтенанта Самуила

Хасимото о ходе сдаточных испытаний подводной лодки ПКДД-47УМ «Юный имперец»

«...также имеется ряд серьёзных недостатков в проектных решениях по энергетической установке. При реверсе гребных электродвигателей находящиеся с ними на одном валу дизели через систему газовыхлопа всасывают забортную воду.

...При ходе под дизелями вращение передается к якорям главных электродвигателей, что приводит к потере мощности.

...Текущая схема соединения батарей приводит к их неравномерному разряду. При этом при зарядке ток получает сначала наименее разряженная группа, а после неё – более разряженные. В реальных боевых условиях при ограниченном времени нахождения у поверхности это приведет к невозможности полностью и равномерно зарядить все группы батарей.

...Батарея не в состоянии поддерживать номинальную мощность главных электродвигателей даже в течение одного часа (вместо полутора часов по проекту).

...Расположение склада боезапаса в одном из трюмных отсеков рядом с носовой аккумуляторной ямой затрудняет его подачу к орудиям и представляется крайне опасным, поскольку при сбое в работе системы дожигания водорода возможен взрыв водородно-воздушной смеси с последующей

детонацией снарядов...

...При движении под перископом уже на скорости свыше десяти узлов появляется сильная вибрация перископа и труб подачи воздуха. Практически нормальное движение на перископной глубине возможно на скорости не более шести узлов (вместо двенадцати по проекту).

* * *

Призыв есть форма рабства. Никакая страна не вправе покупать безопасность своего народа ценой рабства, и без разницы какими словами покрасивее его назвали.

Наша призывная система действует уже больше двадцати лет. Я считаю, это позор. Если страна не может защититься сознательными добровольцами из числа её свободных граждан, я скажу, что место ей – на свалке истории!

Роберт Хайнлайн

Капитан Такэда

По лётной палубе лениво стучал нудный мелкий дождик и шаркали сапогами закутанные по уши в плащ-палатки охранники частной военной компании. Новоиспечённый флотский походный капитан Такэда стоял на мостике командного «острова» и смотрел за иллюминатор. Позади неторопливо собирались его будущие офицеры и сотрудни-

ки.

Именно сотрудники. Начальник службы охраны аэродрома ВАС-61 «Кайзер-бэй» де-факто отвечал за всю зенитную артиллерию на борту, от пулемётов до автоматических пушек калибром в 1 и 1,6 дюйма, но де-юре возглавлял местное отделение частной военной компании «Гринграсс пэйнтерз». Согласно контракту, занималась та охраной лётного поля. Выглядело оно «по неизбежной для моря случайности» в точности похожим на военно-морскую лётную палубу. Но поскольку «вспомогательное авианесущее судно» боевым кораблём-авианосцем юридически не считали, много-томный лабиринт законов Конфедерации вполне позволял столь экзотическое решение. Или хотя бы не мог ему внятно помешать.

Стоит отдать должное, на мостике Роберт Шеученка появился раньше всех остальных коллег, тихо поздоровался и молча уселся на свободное место.

– Капитан. – Следующей комингс переступила ослепительно рыжая мулатка средних лет, из тех, в кого можно бы и влюбиться, не случись на пальце кольца. Медчасть на борту числилась столь же гражданской клиникой при службе охраны аэродрома. Частной клиникой. Отдел грубой военно-морской шулки, разумеется, отправил горящую патриотизмом дамочку совсем не туда, где её муж служил оператором баллистического вычислителя главного калибра. Но опытного пластического хирурга даже это не испугало. Вир-

джиния Лесли Эллен Лазарус Хунта прекрасно обжилась в своей новой «клинике».

Неустрашимая проблема адмирала Такэхито и впрямь оказалась из тех, что не обойти доступными средствами. Триста с лишним человек из девяти сот пятидесяти восьми списочного личного состава на борту ВАС-61 «Кайзер-бэй» не имели ровным счётом никакого отношения к военным структурам. Ну или хотя бы флоту.

Потёртому жизнью полуседому – соль и перец – мужику в фуражке береговой охраны и с ветеранскими плашками конного артиллериста за позапрошлую войну капитан улыбнулся почти как родному. Всё-таки первый настоящий офицер... командир батареи охраны плавучего аэродрома. Не частник – и на том уже спасибо.

Вопрос, насколько человек самую малость помоложе адмирала Такэхито соответствует нуждам современной войны, крайне занимал капитана Такэду. Комбат Скотт Петерсон давно разменял пятый десяток. Именно ему предстояло отвечать за главный башенный калибр в бою. Четыре башни спаренных восьмидюймовок – это всего лишь на одну пушку меньше, чем нёс в бой прошлый корабль Такэды.

Зачем авианесущему борту главный калибр, Айвену Ивановичу Такэде прекрасно объяснил его прошлый опыт беспомощного пассажира в линейном сражении. Битые сутки яростной, на прогар лейнеров стволов перестрелки с имперскими крейсерами сопровождения закончились тем, что

«Музыканта» и его прикрытие размолотили в хлам. Только героизм команд эсминцев дымопостановки помог кораблям на ходу дожить к ночи.

Следующими почти одновременно явились главной рабочей смены навигатор и радионавигационного лётного центра дипломированный квазиесаул. Оба почти ровесники свежеспечённого капитана. Оба, разумеется, младше.

Только вот навигатор Харальд Бьорн Катори честно отзубрил своё в Академии флота, повышение заработал в первый год войны, а вперёд и вверх шёл не сильно медленнее самого Такэды. Квазиесаул же Збых Кащенко военный диплом свой по большому счёту получил авансом, в Нуэво-Рижском электротехническом, лавочке хоть и уважаемой, но скороспелой, коммерческой и гражданской. В довоенные годы и на хорунжего с таким багажом представление написать брезговали.

Увы, война брала своё. Экипажи упрямо молодели.

К счастью, не целиком. Набмех борта, солёный морской волк, пришёл на «Кайзер-бэй» после четверти века на торговом флоте. Для набольшего головы механиков ВАС-61 «Кайзер-бэй» Леона Дуллахана не поменялись ни суть работы, ни даже рабочее место. Последние лет десять перед войной он ходил по морю на совершенно таких же коробках с четырьмя котлами и пятицилиндровыми возвратно-поступательными движками Мюнхгаузена.

Вспомогательные авианесущие суда во многом повторяли исходные быстрые трансокеанские контейнеровозы. В кон-

струкции машинного отделения – просто целиком. Верфи Чезаре могли родить пять дюжин новых бортов за два года – и это единственное, что имело значение. Некоторая потеря в предельных боевых характеристиках с точки зрения Конфедерации вдрызг проигрывала возможности поставить в строй на дюжину коробок больше за то же время.

К сожалению, людей за тот же срок произвести в нужном количестве и сразу нужной квалификации не вышло бы и при всём желании. Что и порождало вполне ожидаемые неустранимые проблемы.

– Дамы и господа, – начал свою речь Такэда, – сегодня я собрал всех, кто уже исполняет обязанности на борту, ради короткой беседы о нашем дальнейшем сотрудничестве. Перед нами стоит задача боевого слаживания очень разных команд в составе общего экипажа. Моя главная задача – наладить работу лётной полусотни. При взаимодействии нашего эскортного судна, других бортов того же класса и боевого сопровождения таск-группы мы обязаны приблизиться к возможностям полноценного авианосца довоенной постройки. Во многом остальном я буду вынужден полагаться на ваши опыт, знания, смекалку и профессионализм. Надеюсь, мы с вами сработаемся.

– Копия нашего контракта передана вам с утренней почтой, капитан, – всё так же тихо и почти без эмоций в голосе произнёс Шеученка. – «Гринграсс пэйнтерз» всегда готовы подтвердить свои репутацию, ответственность и профессио-

нализм. Согласно договору, разумеется.

– За такие-то деньги, – вполголоса подпустил шпильку комбат Петерсон, – могли бы и поработать.

Такэда вздёрнул бровь. У адмирала Такэхито, который и стал образцом для вдохновения, это получалось куда убедительнее и весомее. Новая команда подчинённых Такэды всей этой пантомимы банально не заметила. Пусть и с одним-единственным исключением.

– Наш уважаемый ветеран пытается с присущим ему тактом намекнуть, – пришла на выручку командиру Вирджиния Хунта, – что вы сейчас просто не прочувствовали в полной мере пропасть, которая отделяет привычных для вас флотских от частников. Причём вторая часть этой проблемы касается уже его подчинённых. Но комбат Петерсон считает её чем-то очевидным и привычным и просто не видит затруднений.

– Гарнизон батареи охраны плавучего аэродрома укомплектован обученными срочниками второго года службы и полностью готов выполнить любую боевую задачу! – немедленно откликнулся комбат.

– Простите? – Такэда на мгновение потерялся. – Кем укомплектован?

– Срочниками, капитан, – с удовольствием повторила Хунта. – Стиллмановский призыв. Мальчишки из народа. Ещё год назад валили деревья, рубили уголь в шахте или коровам хвосты крутили. Теперь они стоят на элеваторе главного ка-

либра, работают в башнях или, скажем, пытаются разнообразить свой досуг, гоняя ненужную жестянку ногами между стеллажами на складе фульмината ртути.

Такэде стоило изрядных усилий сохранить подобающее капитану выражение лица, из тех, что постоянно держал на мостике в любой затруднительной ситуации теперь уже адмирал Такэхито.

– Но технически борт полностью исправен, – закончила Вирджиния Хунта. – Его вылизывали для показухи Стиллмановской инспекционной комиссии. В медчасти по шкафам и сейфам есть то, чего я на гражданке и в контрабандной-то продаже уже год не видела.

– Будем считать это отсутствием жалоб на комплектацию подотчётного вам хозяйства, – невозмутимо, как ему казалось, выдал Такэда. – Что с радионавигационной частью?

– С этим можно работать, – Харальд Катори недовольно дёрнул щекой. – Но руководством пользователя навигационного комплекса «Марк IX» в двух томах можно забить на смерть полугодовалого щенка пастушьей собаки. Мы просто не знаем, какие могут вылезти сбои у этой железяки и что на самом деле может поломаться у неё внутри.

– Отличная техника, – поспешил оправдать новинку Збышек. – Помехоустойчивые лампы, микроприводы точного хода... Её делали на той же базе, что и защищённый навигационный помощник ударной полусотни. Агрегат получился новый и немножко того... секретный. Вот.

– Уточните секретность. – Такэда ждал уже любой подлянки, и та не замедлила последовать.

– Не такой секретный, как два вагона сборных телеуправляемых мишеней для подготовки зенитных постов службы охраны аэродрома, которые хранятся за вторым палубным лифтом закутанными в парусину, – ядовито пояснил Харальд Катори. – Поскольку нам хотя бы позволено официально знать про их существование. Но полная документация на инновационные рабочие посты командного «острова» штатно хранится у бортового секретчика. Наш бравый молчун и его заместитель отсутствуют на этой встрече только потому, что доблестно несут службу возле бортового сейфа.

– Тем не менее наш квазиесаул довольно бодро характеризует вверенную его попечению технику, – демонстративно задумался вслух Такэда. – Хотя по его же словам, даже чтобы прочитать её описание, требуется моё присутствие у секретчиков и письменное распоряжение о выдаче. В интересах чьей разведки служите, молодой человек?

– Ну, он, конечно, секретный, – Збых Кашенюк смутился, – но когда разработка только начиналась, многое публиковали в «Научно-техническом экспериментаторе», «Флотском альманахе» и... ну...

– Ну? – требовательно дожал Такэда.

– В «Удивительных историях», Такэда-доно. – В силу молодости дипломированный квазиесаул ухитрился неподдельно покраснеть. – Я не знаю, кто писал научно-попу-

лярную статью о навигации военных ракет в ближнем межпланетном пространстве для редакторского послесловия к «Войне с третьей планетой», но там даже иллюстрации с настоящими панелями девятки по всем основным индикаторам совпадают.

– Наверное, какой-то демократ, – с удовольствием процитировал адмирала Такэда. – Ну что же, я приложу все доступные мне усилия, чтобы из порта мы вышли, ориентируясь уже не по обложке фантастического журнала. Надеюсь, у механиков порядок?

– Двадцать узлов мы дадим, – заверил набмех Дуллахан. – Но я не рекомендую этим злоупотреблять. Чезаре начертили свою первую коробку пятнадцать лет назад, тогда ещё пяти тысячник. С верфей она уходила шестёркой. А здесь сверху накинута ещё две пятьсот, изменены обводы корпуса и режимы хода такие, какие на гражданке никому в своём уме в голову не придут. Ну и...

– И? – подхватил капитан.

– Ну и по контейнеровозам всё-таки сильно реже стреляют. Ну, до войны реже стреляли, – уточнил Дуллахан. – Близкий разрыв торпеды может сыграть дурную шутку с валами. До потери хода включительно. Их можно быстро заменить, когда мы доковыляем в порт, но конструктивно мы всё равно судно. Что ни делай, им мы и останемся.

– А это мы ещё посмотрим, – ухмыльнулся Такэда. – Я утопил один мегалинкор сотником. Посмотрим, что у меня

получится капитаном!

В этот момент новоиспечённый капитан искренне верил, что как-то так в его жизни всё и случится, а неприятные сюрпризы на этом кончились.

Зря.

Глава 4

По крайней мере, он смог потопить свои первые 200 тонн.

Отто Итес о таране учебной подлодкой плавучего маяка

Подводник

— ...и главное! Вы отправляетесь в свой первый боевой поход под командованием одного из лучших командиров Глубинного флота! Офицера, одним из первых добившегося результата в сто тысяч тонн! Живой легенды...

Живая пока еще легенда слушала эту речь с непроницаемым лицом. Почти. Губы фрегат-капитана едва заметно подрагивали, но даже опытный чтец вряд ли сумел бы разобрать в этих движениях длинную тираду, где «выкидыш самки кальмара, натянутой кашалотом» было едва ли не самым цензурным выражением.

Впрочем, на фотографиях корреспондентов этого не должно было быть заметно.

Допущенных к мероприятию репортеров было двое. «Толстый и тонкий», как мысленно пометил их Ярослав, не потрудившись запомнить имена. «Толстый», в добротном, из довоенного еще конфедератского сукна полупальто, представлял «Имперский вестник», ежедневную тонкую и крикливую газетенку, а его худосочный и высокий коллега — наоборот, был из солидного еженедельного «Обозрева-

теля». Первый снял всего несколько кадров на малоформатную «кардонку» – учитывая качество печати «Вестника», это значило, что в газете на снимке будет видно примерно ничего. Зато его коллега только и делал, что подсыпал на подставку очередную дозу флеш-порошка, тыча ею едва ли не в лицо офицерам. День был пасмурный, поэтому вспышка была по глазам не хуже кувалды, а едкий дым довершал дело. Впрочем, фон Хартманн был уверен, что слезы в итоге заретушируют. Разве что им будет посвящен отдельный пассаж о безграничной любви к отчизне, заставившей рыдать даже суровых моряков.

Наконец Юсимура закончил речь, дождался ответного «Аве, император!» и встал рядом с Ярославом. Выстроившийся на пирсе оркестр – в целях секретности развернутый спинами к подлодке – грянул «Мы режем волны...», чем вызывал у фон Хартманна новый приступ раздражения: во-первых, этот марш давно уже считался гимном четвертой бригады мегалинкоров, а во-вторых, он в принципе не любил музыкальные произведения для валторн и тарелок.

Но зато теперь была возможность шепнуть пару слов человеку рядом.

– Какого хрена ты устроил этот гребаный цирк?!

Ответ Ю-ю в общем сводился к предложению заняться извращенным сексом с акулой и морским ёжом, причем процесс описывался подробно и образно.

– ...и того, кто это придумал. Приказ пришёл вчера утром

из «Пяти крыш». Кому-то из «широких погон» захотелось устроить пропагандистское, мать его так, зрелище.

– И что, вся секретность побоку?

– Если бы... – Юсимура едва заметно вздрогнул, получив очередную вспышку магния прямо в лицо. – Пока все это будет закрыто в конверт, пропечатано семью печатями с красной нитью, а затем упихано в самый дальний угол сейфа. Если вы добьетесь успехов, конверт извлекут. Если нет... сам понимаешь.

– Понимаю. Но ты все равно долбаный урод, Юрок. Мог бы предупредить.

– О чем ты? – не понял Ю-ю.

– Это же дети! Твою мать, дети...

– Во-первых, тут все совершеннолетние, – переждав очередную вспышку магниевой смеси, злым шепотом отозвался Юсимура. – И все добровольцы. Во-вторых, ты же читал экстракт из их личных дел.

– Там возраст был вымаран. И ни хрена они не выглядят на шестнадцатилетних. Кроме пары кобыл.

– При отборе учитывался фактор... компактности.

– На радиомачте вместо локатора вертел я ваш «фактор компактности». Это даже не детский сад. Это, б...дь, ясельная группа. Экипаж садовых гномиков.

– Это твой шанс вернуться на глубину, командир.

Фон Хартманн уже набрал воздух, чтобы объяснить Ю-ю, куда следует засунуть подобные шансы, но тут оркестр за-

молчал. Теперь настала очередь говорить командующему базой – старый морской лев, адмирал авангарда, золотые погоны, седина на всю бороду и, по слухам, трое любовниц, кто не хуже корабельных помп отсасывали большую часть «левых» доходов командующего на хлопотливом, но прибыльном посту. Поглядев на нервно дергающийся левый глаз адмирала, Ярослав решил, что слухи вполне достоверны. Нервный тик в полный рост, еще пяток месяцев такой суеты – и адмирал точно куда-нибудь уедет: или в тихий дом с пробковыми стенами... или в другое заведение, если ревизоры заглянут к нему раньше санитаров. Но пока еще старый лев держался, умело жонглируя «испепеляющей ненавистью к врагу» и прочими «разящими молниями гнева Империи».

Все это фон Хартманн слышал, как сквозь ватные вставки – глухо и словно бы издалека. Он стоял, держась за ограждение мостика, и смотрел на свой экипаж. Чуть больше полусотни матросов и офицеров в мешковатой, плохо подогнанной – сами, что ли, ушивать пытались?! – парадной форме.

Их привезли всего два часа назад, в закрытых грузовиках, словно каких-то арестантов. Наверное, в каком-то смысле так оно и было. Раньше от одной идеи выходить в океан с новым экипажем, увидевшим свою новую лодку за несколько часов перед отплытием, Ярослав бы взорвался не хуже торпеды и проломил бы двери до командира бригады, а если потребуется – до самого Большого Папы, командующего Глубинным флотом. Но это было раньше, и к тому же Па-

па наверняка в курсе всей этой затеи, такая бурная деятельность мимо него пройти не могла... И раз он эту кучу дерьма не затоптал в донный ил еще в зародыше, то развивать эту мысль дальше фон Хартманн сознательно не стал. Даже у пропащего человека должны быть в душе какие-то якоря. Если начинать думать, что и Папа уже не тот... проще уж сразу прыгнуть с мостика вниз головой. Ну его к морскому чёрту. Если верить Побейзайчику... ну и этому хлыщу, технику-лейтенанту, подводная лодка к выходу готова. То есть вроде не должна утопнуть сразу за буйками. А переход на базу «Две сестры» – это больше скучно, чем опасно. Она даже не передовая база, там и бомбежки конфедератских дальневысотников, это хоть какое-то развлечение и повод для пари – попадут они на этой неделе в остров хоть одной бомбой или нет?

К ветру и соленым брызгам добавился мелкий дождь, явно пришедшийся не по вкусу очередному оратору – подпоясанному красным с золотой бахромой кушаком типу из политкомиссариата флота. С опаской поглядев на низкие свинцовые тучи, тот скомкал окончание речи, а затем почти бегом перебрался с подводной лодки на пирс, где уже выстроились ординарцы с заботливо распахнутыми зонтами. За ним с мостика потянулись остальные высокие гости. Последним к трапу подошёл Ю-ю, оглянувшись, придерживая рукой меч, словно что-то хотел сказать напоследок... или ждал, что Ярослав скажет ему. Но фон Хартманн молчал, и Ю-ю,

отпустив рукоять, начал спускаться вниз.

Надо было начинать отдавать приказы, но кроме «открыть на хрен кингстоны», никаких других мыслей в голове фрегат-капитана флота не имелось. Да и топиться здесь бесполезно, поднимут и восстановят за пару недель. Вот если при выходе за крепостное заграждение свернуть с протраленного фарватера, тогда да. Но там и для этих... малявок шанс на спасение будет минимален. Вряд ли они все даже плавать умеют, а вода сейчас уже осенняя, холодная.

– Вахтенный офицер... – начал Ярослав и осекся, увидев, как в замешательстве переглянулись две... офицерши. Кандидатка в командиры – 1 и кандидатка в командиры – 2. До этого момента они смотрели на Хана Глубины как на небожителя, спустившегося на мостик подводной лодки прямо из райских кущей. А вот сейчас во взглядах явственно читалась растерянность. – Кто сейчас на вахте?

– Мы еще не составили...

– Мы думали, что вы...

Если бы это происходило не на мостике отправляющейся в первый боевой поход подводной лодки, фон Хартманн обязательно начал бы ржать, как пьяный морской конь. Увы, сейчас ему было не до смеха. Теперь эти две новоиспеченные лейтенантши флота были его проблемой. Поправка – проблемами. Двумя из полусотни.

Герда Васильева-Неринг и Анна-Мария Тер-Симонян. Дочка рыбака из забытой правительственными чиновниками

северной деревушки, непонятно как вообще сдавшая экзамен за среднюю школу. А уж как она попала во Вторую академию... чудо из чудес, хоть в старых богов начинай верить, не сходя с места. Даже с поправкой, что Вторая академия до войны готовила кадры для торгового флота и подниматься выше шлюп-лейтенанта её выпускникам без переаттестации не светило... а говоря по-совести, вообще не светило. И внебрачный потомок генерала Тер-Симоняна, признанная отцом, но без права наследования. Отличницы, в неблагонадёжных связях и высказываниях не замечены... Высший балл на выпускных экзаменах.

Обе наверняка спят и видят себя на мостике подводной лодки в роли командира. Но их две, а лодка – одна.

– Вы, – палец Ярослава почти уперся в левую грудь кандидатки номер 1, одну из немногих, достойных упоминания... В том смысле, что где-то в припортовом кабаке, после штофа клюквенной и в сильном задымлении, к лейтенанту Неринг можно было начать клеиться, не пугая себя статьей за растление малолетних. – Остаётесь на мостике и руководите выходом в море. А вы, – под грозным командирским взглядом кандидатка в командиры – 2 стала еще меньше, – спускаетесь вниз и составляете вахтенное расписание. Для всего экипажа. У вас два часа. Действуйте.

В другой момент наблюдать за гаммой чувств на личиках офицерш было забавно. Вспыхнули розовым обе – первая от гордости, тут же сменившейся тревогой, когда запоздало

пришло понимание ответственности, а вторая – от обиды. Как же, первый выход, а её посылают вниз, заниматься презренной бумажной работой, пфе. Интересно, сообразит, что у неё появился шанс загнать соперницу на все «волчьи» вахты или нет?

– Экипажу занять места! Убрать сходни! Отдать носовые и кормовые! Отдать швартовы! Самый малый вперед! Руль лево на пять.

Фон Хартманн скорее ощутил, чем услышал, как провернулись, просыпаясь от спячки, винты. Да, точно, шума почти не было – даже сейчас, в надводном положении на электродвигателях лодка начала двигаться беззвучно, самым громким звуком был плеск волн о корпус. Лишь начавшая уменьшаться толпа на пирсе показывала, что подводная лодка идет вперед, набирая скорость...

Еще несколько часов, тоскливо подумал Ярослав. Пока выйдем за минное заграждение и распрощаемся с эскортом... а там уже можно будет и погрузиться. Там, внизу, все станет проще и понятней. Глубина примет всех.

* * *

Признаться честно, ответственность за баллистический компьютер батареи главного калибра и огневую подготовку личного состава в годы войны на боевом дежурстве – определённо не то занятие,

которым стоит жить. Но это всё же лучше, чем зарабатывать на жизнь так называемым «честным трудом».

*Артиллерийского главного поста набольший вычислитель
Лайл Энсон Хунта*

Капитан Такэда

На третий день в должности Такэда был готов хоть про-
выть брачный клич морского слона в голос – если бы это хоть
как-то помогло. Он сутки напролёт знакомился и с бортом,
и с экипажем, и от всех этих людей голова уже просто шла
кругом.

Лётный курень. Воздушного снабжения и обслуживания
голова. Связисты. Палубная сотня. Тактического и операци-
онного куреня операторы. Лётной безопасности уряд. Всё
это новопроизведённый в чин капитан Такэда представлял
на личном опыте. Хотя бы как лётчик. Но дальше начина-
лись проблемы.

В хозяйстве механиков и артиллеристов Такэда разбирал-
ся в самых общих чертах. Томики на полке капитанской би-
блиотечки радовали и удручали его одновременно. Радовали
наличием, удручали объёмом. Но за ними для Такэды начи-
нался суший кошмар.

Административный курень борта! Старший экономист
судна! Счётного уряда голова! С попом и его храмовыми му-
сумэ хотя бы стаканчик вина для праздничных возлияний
пропустить вышло, как-никак благословение на должность –

повод веский. А вот от счетоводов Такэда вышел с распухшей от цифр и трубочного дыма головой.

У него даже времени лично облетать хотя бы один новый самолёт и то не отыскалось! Новьё от «В-Д Эйр Кантай», премиум-сборка довоенного уровня, в кабинах пахло как в хорошей машине из тех, что сам Такэда видел только уже флотским офицером и не как пассажир, а на тех выставках, где достаточно прилично одетым посетителям милостию позволяют посидеть в салоне пару минут. У Айвена осталось полное ощущение, что за фарш кабин отвечал тот же отдел, что и спроектировал легендарную «Верзохина-Лада».

Поэтому капитан Такэда стоял на мостике и тоскливо наблюдал за окончанием погрузки с безопасного расстояния. Оттуда, где получалось хоть как-то разделить себя-лётчика и новую технику борта под командованием себя-капитана.

– Закончится вся эта война, – пообещал он в пустоту, – куплю три списанных «казачка», лично руками соберу из них один и буду летать в своё удовольствие.

Если кто-то из смены на мостике по этому поводу что-то и подумал, они благоразумно оставили комментарии при себе.

– А это что ещё такое? – Внимание Такэды привлёк человек на палубе. Благообразный мужчина в строгом, как у дворецкого, чёрном костюме, дорогуших лакированных ботинках, при шляпе-котелке и с матово-чёрным же кожаным саквояжем в руках шёл по загруженной лётной палубе. Суету палубных команд, провоз самолётов к лифтам ангарной

палубы и рабочий шум он игнорировал с поистине аристократическим пренебрежением.

– Роберт-сан, это кто-то из ваших? – безнадёжно поинтересовался капитан. Он уже заранее подозревал, что ответ ему не понравится.

– Как вы знаете, наш контракт подразумевает соблюдение командной вертикали, – ответил частник. – Так что нет, Такэда-доно. Мы бы оповестили заранее.

– Ну, знаете ли! – Такэда раздражённо схватился за телефон.

– У вас там на палубе шатается какой-то... – Айвен запнулся, проглотив неподобающие командиру слова, – посторонний! Сюда его. И если окажется, что он тут не по делу, всем, кто его пропустил на палубу, – сутки ареста и выговор с занесением!

В обрамлении пары матросов при оружии новый гость ухитрился выглядеть не подконвойным, а отцом двух скудоумных недорослей, которому приходится объясняться на кругу, почему их пули отыскивали в резном коньке чужого амбара.

– Капитан-доно, – гость невозмутимо приподнял котелок. – Разрешите представиться. Калёб Эффиндопуло. Я прибыл ознакомиться с будущим местом работы заранее. Извините за столь поздний визит. Его время, к сожалению, целиком продиктовано окном исполнения моих основных рабочих обязанностей.

– Мы кого-то ждём? – поинтересовался в пустоту Такэда.

– Нет, Айвен Иванович, – дежурный торопливо зашепел журналом. – В списках не значится.

За спиной Такэды кто-то приглушённо давился смехом в кулак. Он ещё недостаточно хорошо различал своих подчинённых на слух, и те не стеснялись этим пользоваться.

– Тогда какого слона морского его пустили на борт? – раздражённо спросил Такэда.

– Я воспользовался личным обаянием и убедительностью, капитан-доно, – человек с противоречащей любому здравому смыслу фамилией Эффиндопуло позволил себе улыбнуться. – Кроме того, я семь лет прослужил в сэнгуне, откуда и заступил на свою нынешнюю работу. Ей и намерен отдать себя до конца дней.

– И работа эта?.. – уточнил капитан.

– Фамильный дворецкий семейства Тояма, – подтвердил его страхи Калёб. – Прибыл лично проследить за размещением и обустройством моих подопечных. Капитан-доно, скажите, у вас тут всегда настолько шумно? Боюсь, юным леди понадобятся должным образом звукоизолированные номера.

– Фамильный кто? – раздражённо переспросил Такэда. – Стоп. Кому понадобятся?

– Дворецкий, капитан-доно, – с удовольствием повторил Калёб Эффиндопуло. – Анна и Юнона Тояма прибывают к вам на борт сегодня для несения тягот и лишений исполне-

ния патриотического долга перед Конфедерацией. Моя задача – облегчить их тяготы и приуменьшить лишения. Прошу выделить мне для этого обустроенные должным образом помещения.

Капитан раздражённо обернулся к дежурному.

– Сегодня только лётчики ударной полусотни, Айвен Иванович, – немедленно уточнил тот.

– Юные леди очень талантливые, капитан-доно, – добрым, как у врача-нарколога, голосом подтвердил опасения Такэды Калёб Эффиндопуло. – Они прекрасно держатся в небе. А я просто сохраняю им ту малость бытового уюта, который для них привычен.

– Вон отсюда! – недовольно потребовал Такэда. – Нас могли обозвать судном, но круизным лайнером от этого мы не стали! И если две резвые девицы как-то пролезли в списочный реестр полусотни, они всё равно будут спать в общих кубриках на равных правах с остальными! И уж совершенно точно без дворецкого, без горничной и без куафёра!

– Вы безжалостны, капитан, – улыбнулся Эффиндопуло. – Я надеялся, что прямое решение вопроса окажется самым честным и быстрым.

– Мы идём в бой, – отрезал Такэда. – На борту не место гражданским лицам!

– На борту их триста шестьдесят три человека, капитан-доно, – напомнил Эффиндопуло. – Включая женщин и храмовых, гм, девиц. Со мной будет триста шестьдесят че-

тыре. Поймите меня хотя бы как аристократ.

– А я не аристократ, – ядовито откликнулся Такэда. – Папа – инженер. Мама – доктор. Произведён в личное достоинство за магический талант и лётные заслуги. С правом на следования – за боевые. А кубрик со мной ещё с учебки делил потомок отцов нации, Ди МакХэмилл. Так что нет, тяготы и лишения двух призовых кобылиц, не способных без участия горничной даже подтереться, мне точно не понять.

– Может быть, некий компромисс... – Договорить Эффиндопуло не успел.

– Айвен Иванович, вы должны это увидеть, – прервал его дежурный. – Срочно.

– Да какого ежа морского? – Такэда изумлённо опустил глаза на причал. Там, один за другим, выходили, плавно и тяжеломерно, словно мегалинкоры на параде, огромные дорогие автомобили. На десятом Такэда потерял им счёт.

– А вот, собственно, и они, – с удовольствием прокомментировал Эффиндопуло. – Вон та пара форсированных шестиколёсных «Джурай-Эсквайр», чёрная и белая. Это машины юных леди. И вся остальная ваша ударная полусотня, капитан.

Водитель. Охранник. Пассажир. Такэда зачарованно следил, как из машин, явно по старшинству, появляются люди в форме, до боли ему знакомой. Затем чуть в стороне начали вставать первые автобусы – и целая армия obsługi принялась выгружать на асфальт увесистые чемоданы багажа.

– Этого – под конвоем на берег! – потребовал Такэда, недовольно всосал через сжатые зубы воздух и продолжил: – Трапы перекрыть. Дежурного профоса и десяток на причал. На борт не пускать никого. Исполнять немедленно!

К моменту его спуска на причал шумная толпа уже поделилась на более или менее узнаваемые звенья лётчиков и шумные бесформенные кучки гражданских с чемоданами, саквояжами и баулами за ними.

– Капитан Такэда! Ударная полусотня бортовой флайт-станции ВАС-61 «Кайзер-бэй» докладывает о прибытии на место прохождения службы! Патент-лейтенант Газель Стиллман доклад окончила! – Черноглазая, темноволосая и удивительно знакомая на вид юная девчонка, явно рисуясь, ткнула кулаком в левую грудь и отмахнулась им в чётком воинском салюте.

«В отца пошла», – мысленно усмехнулся Такэда и продолжил, уже вслух:

– Полусотня – это хорошо. Но хотелось бы подробностей о том усиленном подштанных дел батальоне, что вы сюда при-тащили за компанию.

– Ну, у вас же судно, капитан? – смущённо улыбнулась дочка ответственного администратора Конфедерации. – Мы понимаем, что война требует экономии, но хотя бы пара горничных и дворецкий или повар на каждое звено...

– Так. – Айвен снова охватил взглядом ромальский балаган на причале, развернулся к дежурному профосу и прика-

зал: – Всех посторонних с причала долой. На борт – только лётный состав, и только согласно письменному списку. Лишние чемоданы пусть везут домой, у нас тут не барахолка. Лётной группе разрешить поднимать на борт ровно сколько могут унести. Сами! Узнаю, что кто-то помог – закатаю под бессрочный арест!

Развернулся и ушёл.

С высоты мостика цепочка лётчиц на палубе напоминала гусеницу. Беременную гусеницу. Очень сильно беременную гусеницу. Бросить чемоданы девчонки не пожелали.

Такэда покосился на пирамиды остального барахла на причале и болезненно остро понял, что любое требование пересмотреть и выбросить остаток поднимет такой аристократический скандал, какой ему просто не по гонору. Ни в этой жизни, ни в следующей, ни в десятке за ними.

– Командир ВАС-62 Даллен МакХэмилл на связи, – дежурный переключил вызов на рабочее место Такэды.

– Ну как, чудище? – поинтересовался Даллен через плохо сдерживаемый смех. – Познакомился уже с подчинёнными?

– Тебе честно или смягчить? – огрызнулся Такэда.

– Ни в коем случае, Иваныч, – МакХэмилл уже смеялся в открытую. – Гордись, мы тебе с адмиралом личным производом отдали Газель Стиллман. Полдня сидели вдвоём, считали, как их всех раскидать, чтобы борт по среднему гонору не получалось задвигать в снабжении ниже тяжёлого крейсера. У себя, получается, мы с ним за девчонок отдуваемся. А

тебе, считай, повезло.

– Погоди, – у Такэды сел голос. – Они что, все девчонки? Поголовно?

– А ты не рассмотрел? – МакХэмилл бессовестно за- ржал. – Да. Причём из таких семей, что мне уже заранее хо- чется увидеть лицо того смертника, кто попробует нас че- го-то лишить под тем смехотворным предлогом, что мы не корабли, а суда.

– Донеси, пожалуйста, до адмирала мысль, что я в бешен- стве, – попросил Такэда. – Вежливо, как там у вас бла-аго- родных водится. Без урона чести и достоинству. И отдельно уточни, что, когда мне обещали золотые кадры, я не думал, что они вдруг окажутся настолько золотыми.

– Ну, это уже как работать будем, – посерьёзнул в трубке голос МакХэмилла. – Наш с тобой уровень чутья демонстри- руют шестеро, натаскиванию подлежат как минимум четыр- надцать. Время слетаться и провести часть предварительных испытаний на перегоне точно отыщется. Тем более что вся- кой базовой ерунде их можно уже не учить. Я думаю, ради такого можно и примириться с некоторыми... мелкими при- чудами экипажа.

– Мелкими... – зачарованно повторил Такэда.

– Скажи честно, Иваныч, а ты меня в Академии на первом курсе помнишь? – вкрадчиво поинтересовался МакХэмилл.

– Не особо, – признался Такэда. – Память милостиво из- гладила эти травматические воспоминания.

– Ну вот и освежишь, – хохотнул МакХэмилл. – Удачи с новыми подопечными тебе!

– Удачи! – передразнил Такэда. – А как насчёт терпения?

– А терпение понадобится мне, – ангельским тоном откликнулся МакХэмилл. – Выслушивать твои жалобы на их поведение каждый раз, когда ты выходишь на связь.

И повесил трубку.

Подлец.

Глава 5

Дом за миллион долларов, а крыша протекает...

Неизвестный матрос о своей новой подводной лодке

Подводник

На пуфике четко виднелись шерстяные волоски. Серые и черные на розовом. Фон Хартманн уже в третий раз подумал: сложно представить себе нечто более неуместное на подводной лодке, чем вот это... плюшевое, розовое, непонятно как и когда попавшее на центральный пост.

– Простите, фрегат-капитан, – навигатор заметила взгляд Ярослава, но совершенно неправильно истолковала его причину. – Мы не заметили его вовремя... и опять не поймали, к сожалению.

«К счастью для себя», – мысленно поправил её фон Хартманн, вспомнив единственный раз, когда видел кота на руках. Точнее, на здоровенных ручищах главного боцмана Побейзайчика.

«Не хочет лодку бросать, – вздохнул моряк и погладил вздыбленную шерсть кота. – На лодке выжил, на лодке и погрёт. Сбереги мне его, командир».

– Следует говорить: «виновата, фрегат-капитан флота!» – тут же одернула навигаторшу Анна-Мария.

– Следует, но не обязательно. – Фон Хартманн плюхнулся на пуфик и с наслаждением вытянул ноги в проход. – Пока

она будет произносить все положенное, нас три раза утопят. А коты вы все равно не поймаете.

– Но... почему?

– Мы же просто накормить его хотели, молока развели... – печально сказала навигатор и, спохватившись, добавила: – Фрегат-капитан флота. А он только зашипел из-за труб... словно мы... мы... оккупанты из Конфедерации, вот!

– Он воспринимает вас именно как оккупантов, мичман Верзохина, – сказал Ярослав, глядя на висевшую напротив его места «Таблицу № 3 Условные звуковые сигналы при выходе из подводной лодки шлюзованием». Даже не зная он её наизусть ещё с учебки, наверняка бы выучил за последние три часа. – С его точки зрения вы и есть оккупант. Вы успешно выжили с лодки всех его друзей, тех, кто его вырастил. Их тут больше нет. Вы – есть. От вас даже пахнет не так.

– Я-ясно... фрегат-капитан флота.

Фон Хартманн закрыл глаза. Какая-нибудь возвышенная натура могла бы сказать, что Ярослав пытается насладиться тишиной и покоем, но вряд ли осмелилась бы сказать это вслух – сумеет фрегат-капитан расслышать подобное утверждение сквозь грохот дизелей, он бы мог и снизойти до рукоприкладства прямо на боевом посту. Впрочем, долго вслушиваться в нормальный рабочий шум фон Хартманну тоже не пришлось – с кормы донеслись звон, грохот, вкусный запах и сдавленные проклятья.

– Кажется, – не открывая глаз, пробормотал Ярослав, – на

обед у нас лапша с бараниной... была?

Анна-Мария, отчего-то побледнев, бросилась в сторону камбуза, после чего проклятья сменились на короткий придушенный взвизг, а затем на строго-угрожающее «бу-бу-бу».

– Небольшое происшествие на камбузе. – Хотя лейтенант слегка запыхалась, доклад звучал вполне отчетливо. – Последствия уже... устраняются. Кок приносит свои глубочайшие извинения, но ужин для офицерского состава немного задержится.

– ...Если она снова кастрюлю не уронит, – фыркнула рулевая и тут же замерла в уставной стойке под испепеляющим взглядом Анны-Марии.

– ...А при такой качке запросто может и уронить, – закончил фразу фон Хартманн. – Вот что... давайте-ка проверим нашу электрику. Погружение на пятьдесят саженей. Командуйте, лейтенант.

Он снова закрыл глаза и, чуть откинувшись назад – насколько позволяли вентили за спиной, – скрестил руки на груди.

Может, девчонке станет чуть проще при мысли, что командир хотя бы не смотрит за каждым её движением. Или наоборот?

– Приготовиться к погружению!

На старой подводной лодке Ярослава каждый отсек докладывал о готовности по внутренней связи, голосом. У «Юного имперца» конструкторы усовершенствовали процесс – те-

перь старшему отсека достаточно было перекинуть рычажок, и перед вахтенным офицером загоралась зеленая лампочка, сопровождаемая короткой трелью. Как относиться к этому новшеству, фон Хартманн пока не знал. С одной стороны, вроде бы действительно экономятся драгоценные секунды при погружении. С другой – еще один пучок проводов и лишнее табло в центральном посту.

– Заглушить дизели! Перекрыть подачу воздуха!

Ставший уже привычным грохот и вибрация прекратились. Лязгнул люк, проскрипел – как у них только сил хватает проворачивать до конца эту штуку – маховик. После дизелей гудение раскручивающихся электрометров выглядело совсем тихим – казалось, остановившиеся вентиляторы и те издавали больше шума.

– Погружение!

– Есть погружение!

Что стоило признать – «сорок седьмая» ныряла быстро. Сказывалась возросшая скорость подводного хода – подводная лодка ныряла «по-самолетному», сильно наклонив нос, на одних рулях, еще до полного вытеснения воздуха из цистерн. Вдобавок еще и с креном на правый борт... лихо... а в носовом, судя про треску, что-то не закрепили.

– Двадцать саженей. Двадцать пять.

Теперь вышли остатки воздуха. Бортовой крен ушел, остался только дифферент на нос.

– Тридцать пять. Сорок пять. Выравниваемся.

Ярослав открыл глаза.

– Час посидим на глубине и всплывем, – объявил он. – Как раз хватит времени воздать должное нашему коку.

Подбодрить офицерский состав «Юного имперца» высокопарной фразой не получилось, хотя вины кока в этом не было. Наоборот, пшеничная лапша с бужениной и рисовым соусом – блюдо с виду простое, но имеющее свои тонкости в приготовлении, – по мнению фон Хартманна, могла бы удовлетворить запросы самых взыскательных гурманов. Даже в бульоне чувствовался вкус нормального мяса, а не надоевших, как проповедь о трезвости, сушеных водорослей на рыбном концентрате. Мысль о расходе пресной воды он загнал поглубже. Цистерна еще полная, да и, в конце концов, они не посреди враждебных вод – до Буревых островов воды всяко хватит, а там пополнение запасов предусматривалось планом перехода.

Недостаток у лапши был, по мнению командира, лишь один – слишком быстро она закончилась. У него – остальные за столом уныло ковырялись в мисках алюминиевыми вилками, словно туда прицельно «разгрузилась» стая пролетающих мимо бакланов. Будь это его старый экипаж... или хотя бы просто нормальный мужской, Ярослав бы не постеснялся прихватить еще чью-то порцию, но брать у этих... пигалиц... Фон Хартманн вздохнул и сделал мысленную пометку: «приказать коку выдавать командиру полуторные, нет, двойные порции». Неизвестно, кто составлял нормы пита-

ния для «Юного имперца», но было похоже, что руководствовался он порциями для сиротских приютов – в искупительных лагерях, по слухам, кормили получше.

Всего за столом должно было сидеть шестеро – фрегат-капитан, обе лейтенантши, навигатор, главный механик и комиссар подводной лодки. Но последние два места пустовали – механик сообщила, что она тут «по макушку в работе» и «перехватит что-нибудь на ходу», а политкомиссар очень убедительно «попросила» принести её порцию в каюту. В результате даже Ярослав мог сидеть за столом, не особо пихаясь локтями. Но все равно фрегат-капитана не покидало чувство, словно вокруг то ли благотворительный бал-маскарад гимназисток старших классов, то ли просто кошмарный сон.

Торопливо доев остатки лапши, он потянулся за чайником – и стукнулся затылком о трубу. Не больно, но обидно... Фрегат-капитан в очередной раз мысленно помянул конструкторов «Юного имперца», авторов безумной идеи девчачьего экипажа, Ю-ю, втравившего его в эту авантюру, ну и чертовых конфедератов. Злость стремительно нарастала, словно давление на гидростате глубинной бомбы, еще немного – и рванет!

– Командуйте всплытие, лейтенант Тер-Симонян!

– Но... так точно, фрегат-капитан!

Фон Хартманн первым выбрался из-за стола и двинулся к рубке. Злость чуть отступила, зато желание вдохнуть свежего воздуха и получить в лицо горсть соленых брызг ста-

ло почти нестерпимым. Он едва сдержался, чтобы не начать открывать люк без команды, просто услышав, как вскипела вода над рубкой и первая волна разбилась об ограждение.

– Позиционное!

За люком было небо. Низкое, серое, до горизонта затянутое тучами, но все же это было небо, а не толща воды, и Ярослав торопливо рванулся к нему, чувствуя, как холодный ветер остужает лицо и злость. Плевать на всех и вся, главное, что сейчас он снова здесь, среди волн...

Следом из люка, словно чертик из игрушечной шкатулки, выскочила Герда Неринг с биноклем, а за ней...

В первый миг фон Хартманн даже не понял, что именно случилось. Вода вдруг стала близко, фрегат-капитан рефлексивно захлопнул крышку люка, прежде чем её захлестнула волна, и уже по колено в воде довернул маховик, отрезая себе и Герде спасительный путь вниз. А затем подводная лодка провалилась еще ниже, а они остались на поверхности. Одни.

– Какого морского хрена?!

Вопль Герды заставил испуганно шарахнуться в сторону альбатроса, решившего поглядеть, не осталось ли после странного ныряющего корабля чего-то съедобного.

– Не ори... и брось бинокль.

Лейтенант оглянулась на Ярослава с почти суеверным ужасом. Ну да, наверняка им в училище вдолбили, что хорошая морская оптика стоит как пять-шесть рыбацких лодок

её родной деревни – с дырявыми парусами и еще более дырявыми сетями. А теперь эта дура будет хвататься за него, как за спасательный круг. Пока будут силы...

«Надо будет приказать, чтобы все вахтенные надевали спасжилеты», – мелькнула мысль, а затем фон Хартманн едва не расхохотался от её неуместности. Надо будет... если случится чудо. Причем в ближайшие минуты. Хотя море в сентябре не успело еще толком остыть, вода казалась холодной, и от знания, что по таблицам наблюдений её температура сейчас от 13 до 15 градусов, теплее не становилось.

– Брось. Бинобль. Это приказ!

Кажется, Герда его не расслышала – её как раз в этот миг с головой накрыла очередная волна. Да и вообще их начало разносить в стороны.

Сколько они уже тут бултыхаются, как дерьмо в гальюне?

– К-командир...

Пока что держаться на плаву кое-как удавалось, воздуха в одежде хватало. Через несколько минут она промокнет окончательно и начнет утягивать вниз...

– Ты держись... – не столько произнес, сколько отстучал зубами Ярослав, подплывая ближе. – Сейчас они вынырнут и вытащат нас.

Если вынырнут... если смогут разглядеть среди валов. Волнение небольшое, но и этого может хватить: рубка у подводной лодки – это вам не мостик линкора. Если они вообще вынырнут... черт, какая же глупая смерть для Хана Глу-

бины!

– К-командир... я хотела... – Герда не закончила фразы, а переспрашивать Ярослав не стал – он впился глазами в белый бурун, появившийся на волне в полусотне метров от них. Бурун... вокруг трубы зенитного перископа. Следом из воды поднялась рубка, медленно надвигаясь на них по мере роста... а еще через несколько секунд под ногами оказалось что-то твердое. Правда, встать не получилось – мышцы дружно решили, что с них довольно, и обоим горе-пловцам пришлось вцепиться друга в друга, чтобы не свалиться с палубы всплывающей подлодки вместе с потоком воды.

– Командир, я...

На какое-то время фон Хартманн выпал из реальности. Он понимал, что сидит в рубке, закутанный в одеяла прямо поверх промокшего свитера. А стоящая перед ним по стойке смирно, бледная, словно свежий утопленник, Анна-Мария пытается что-то ему сказать. Но долетавшие до сознания отдельные фразы «открытый клапан вентиляции носовой цистерны балласта»... «рули глубины»... «наконец смогли закрыть и продули»... никак не складывались в отдельные слова.

Затем в поле зрения фон Хартманна появилось новое лицо. Доктор Харуми, вспомнил Ярослав, и эта мысль, как якорь из воды, потянула за собой цепочку ассоциаций.

– Спирт!

– Что? – доктор отшатнулась от фрегат-капитана – на-

сколько это было вообще возможно на нескольких саженях, заполненных людьми и механизмами.

– У вас есть спирт! – Ярослав не спрашивал, а утверждал. – Тащите сюда, живо! И её разденьте! – Послед нее относилось к Герде, которая под грудой одеял не просто дрожала, а уже явственно начала синеть.

– Командир, что вы намерены... – начала возмущённую фразу зажатая между перископом и тройкой циферблатов политкомиссар – и осеклась, встретив совершенно бешеный взгляд фон Хартманна.

– Устроить пьянку и оргию, конечно... – Фрегат-капитан попытался ухватить края рукавов свитера. Получалось неважно, пальцы почти не сгибались... и не чувствовались. – Доктор! Если вы через секунду еще будете здесь, я вас расстреляю... из зенитного автомата! Спирт, живо!

Угроза подействовала – доктор буквально впрыгнула в люк и через пару минут вновь появилась в обнимку с емкостью, украшенной оранжево-желтым черепом. Сам Ярослав к этому моменту едва успел стянуть свитер, зато лейтенанта Неринг девчушки-сигнальщицы уже разоблачили до трусов. Темно-синих, доходящих до середины бедра, из плотной ткани, и вообще больше напоминающих облачение водолаза, чем женское нижнее белье. Вот в растирании верхней половины Герды фрегат-капитан бы охотно принял участие... если бы руки больше слушались.

По крайней мере, бутыль у доктора он отобрать сумел,

правда, лишь со второй попытки. Выдернул зубами пробку, сделал большой глоток... и ничего не почувствовал. Жидкий огонь появился во рту лишь после третьего, опалил гортань и горячими ручейками потек вниз, по телу...

– Вы, вы... – доктор Харуми задыхалась, словно четверть бутылки залпом выпила она, а не Ярослав. – Это же чистый, неразбавленный... у вас будет ожог пищевода.

– В неё тоже влейте, – фон Хартманн махнул рукой в сторону Герды, покачнулся, едва не упав, но удержался и сделал вид, что просто выбирал из кучи одеял на полу менее мокрое. – Не меньше литра... внутрь... и наружу. Потом... проверю. И еще... а, вот берет!

Нахлобучив мокрый блин уставного головного убора и кое-как накинув одеяло на плечи, он протиснулся к люку, спустился вниз, – столпившиеся внизу девчушки при виде голых капитанских ног на лестнице бросились прочь, словно стайка испуганных рыбешек. Оставляя на палубе мокрые следы, фрегат-капитан прошлепал к своей каюте, запер дверь и скрючился на койке, стуча зубами и тихо подвывая.

В ответ откуда-то из-под потолка негромко мяукнуло.

– В-в-вылезай уже... зверь.

Кот – большой, чёрный, с обкромсанным правым ухом и шрамом поперек морды – мяукнул еще раз, прыгнул на столик, сел и озадаченно уставился на скорчившегося под одеялом фрегат-капитана. Мяукнул еще раз, с явственной интонацией «как же тебя, дурака, угораздило», и, осторожно пе-

ребравшись на кровать, вытянулся поверх одеяла. Даже через ткань он казался горячим – не иначе, грелся где-то в машинном.

– Морда у тебя и в самом деле пиратская, – пробормотал Ярослав. – Но Квартирмейстером я тебя звать не буду. Это боцман привык всякое длинное выговаривать, а у меня на третий раз язык сломается. Будешь... будешь Завхозом, вот.

* * *

Знаний у наших полусотенных голов никаких, один гонор боярский, поэтому их придется допускать к самостоятельному управлению лётными звеньями, а самим запастись сухари и собираться на каторгу.

Абрам Коясович Такэхито. Стенограмма рабочего совещания командного состава быстрого авианесущего линкора «Композитор Лопио Педунь» в день заступления на должность

Капитан Такэда

Одномоторный моноплан обрonnenным с верхнего этажа небоскрёба домкратом стремительно падал к палубе ВАС-61 «Кайзер-бэй».

Тысяча футов. Восемьсот. Пятьсот. Триста.

Борт авианесущего судна чуть ниже кромки лётной палубы плевался дымом и огнём из частокола стволов зенитных автоматов. Восьмилинейные спарки отстреливали бое-

комплект часто и громко. Словно обкуренный в хлам пианист-виртуоз долбил соло на басах в пьяном угаре шумного журфикса боярского клуба золотой сотни Конфедерации. Шестнадцатилинейные пятизарядки отбивали синкопу на скорости подачи заряжающими увесистых снарядных чемоданов. Вместо гонгов и тарелок по бронепалубе звенели дымящиеся гильзы.

Небо полосовали частые красные трассеры и белые просверки между ними. Бледные огоньки самоподрывов на предельном удалении снаряда в яркой заре морского утра разглядеть почти не получалось.

Выглядел фейерверк эффектно – живое доказательство, что на третий год войны промышленность Конфедерации хоть немного раскочегарилась и дефицитными прежде зенитными автоматами смогли утыкать все, что можно, и даже немного то, куда ставить массивную тумбу не стоило бы. Однако эффективность стрельбы, как и в первые годы войны, оставалась на уровне «зато матросам не так страшно, они делом заняты».

Моноплан вышел из пике и прошёлся вдоль палубы. На столь малом удалении от борта его настоящие размеры стали заметны куда лучше – скромные метры от слабенького движка в носу до хвоста с закопчённой керамической ступой порохового толкача короткого старта.

От ниш зенитных установок незамедлительно раздались пронзительный свист боцманских дудок и трубный глас

командиров расчётов с указанием ошибок тренировочных стрельб.

– Действительно, полезная штука. – Такэда вывел самолёт-тик в горизонталь и выравнивал полёт. – Отдал.

– Взяла. – Юная девчонка из бортстрелков ударной полусотни торопливо перекинула селектор на второй увесистый алюминиевый кирпичик с одинокой ручкой управления и парой реостатов сбоку. Беспилотник послушно дёрнул крыльями в контрольном манёвре и пошёл в небо. При всей смехотворности почти игрушечного движка, горизонтальную скорость он выдавал узлов этак сто двадцать. Всего тридцать лет назад далеко не всякий истребитель так летал.

– Выводите на штатную позицию атаки с кормы по штир-борту, и по готовности батарей – по новой. – Капитан отдал девчонкам и свой блок управления, проследил, как игрушка-переросток набирает высоту, и повернулся к начальнику службы охраны аэродрома. – Ну что я могу сказать? Сейчас у вас работала всерьёз лишь третья восьмилинейная спарка. Мазала, конечно, но меньше всех остальных. От условной дыры в районе носового лифта ангарной палубы нас это условно не спасло. Там сейчас условно тысяchefунтовка и условный же пожар в ангаре, который подбирается к подготовленным для подвеса бомбам и торпедам. А мы, соответственно, условно небоеспособны и скоро взлетим на воздух без мотора. Фактическая боеготовность службы охраны аэродрома обговорённым контрактным обязательствам

не соответствует.

Роберт Шеученка послушно ел начальство бесстрастным, как глаза-пуговицы у игрушечного лемура, пластиковым взглядом и ждал продолжения. То не замедлило последовать.

– Время на исправление ситуации до начала активных действий борта у нас есть. – Капитан Такэда задумался. – Тренировки на переходе сделаем регулярными. Думаю, если сжигать хотя бы пару тысяч снарядов за раз, какой-то прирост эффективности огня ваши команды покажут. А заодно потренируются менять расстрелянные стволы в условиях передового базирования.

– Несомненно, Такэда-дайса, – подтвердил Роберт Шеученка. – Наземные базы подготовки, к сожалению, имели на вооружении только медленные буксируемые конусы. И в кабине пилота сидел обычный армейский сверхсрочник из тыловых гарнизонов, а не морской ястреб Конфедерации и убийца имперского мегалинкора, если мне будет позволено оправдание.

– Вот ещё! – фыркнул Такэда. – Никаких оправданий. Я эту ручку первый раз в жизни в руки взял. Совершенно незнакомая машина. Пусть и учебно-тренировочная. Работайте. Морские лётчики у Империи точно есть. Я проверял.

– Хороший лётчик остережётся так рисковать собой, капитан, – вернулся к оправданиям Шеученка. – Ваш заход в пике через полосу заградительного огня в некотором роде

выглядел самоубийством для живого человека в кабине настоящего самолёта.

– Хороший – возможно, – согласился Такэда. – Но кроме них есть и посредственные. Те, кто не видят картину боя вокруг себя. Те, для кого существует лишь бомбовый прицел и цель в нём. Иногда они даже из пике выйти не успевают. Но очень часто они успевают сбросить бомбу. Ничего другого я вам сейчас не показал. Чистое идеальное пикирование залипшего на прицеле одноглазика.

– Вот как. – Начальник службы охраны аэродрома растерялся. Мысль о том, что явно героические на первый взгляд самоубийственные поступки может совершать не закалённый боями ветеран, который знает, что делает и как намерен выкручиваться после, а юный остолоп, который просто не понимает, что происходит, до этого момента его ни разу не посещала.

– Честно говоря, – закончил Такэда, – я искренне верил, что самолёт-мишень в этом пике окажется потрачен. Увы, подготовка расчётов хуже, чем я боялся. Но высокий темп стрельбы и бесперебойная подача кассет меня порадовали. Здесь придраться не могу. А значит, проблема только в нехватке опыта. И вы её исправите. До того, как об мою палубу разобьётся первый имперский смертник, а не после.

– Вы тоже верите басням о монашках-смертницах Империи, капитан? – удивился Шеученка. – Официальное расследование КБР вроде бы доказало, что это трёхлетней давно-

сти вымысел журналистки Кривицкой из «Москвы сбоку».

— Да чего мне в них верить, у меня вон, — Такэда кивнул в сторону, — целый выводок своих. Только зазевайся, и готово. Без всякой мифической крылатой торпеды. На чистом боярском гоноре. Но это уже не ваша проблема, чиф.

Юные станичницы на лётной палубе ухитрились выглядеть одновременно военными на всю голову и выводком институток на экскурсии. Такэда, при всей его лояльности к традициям ударных полусотен, впервые задумался, что допустимые куренные различия лётной формы — не самая хорошая затея. Доступные «золотому экипажу» кутюрье постарались на все заплаченные деньги. При наличии груди, талии и прочей здоровой женской фигуры вроде бы приличные нормы пошива ударного войска морского превращались во что-то настолько лихое, что капитан всерьёз опасался эпидемии прогрессирующего косоглазия у нижних чинов и матросов.

К тому же при очередном эффектном кренделе в боевом заходе беспилотника девчонки принимались совершенно по-детски визжать от восторга на всю палубу.

Да, все бортстрелки соответствовали по квалификации формальным требованиям радиооператора удалённо контролируемой спецтехники, а коротенькую брошюру с логотипом некоронованного короля игрушек Реджинальда Дэнни написали те же добрые сказочники, что учили внуков состоятельных бояр не бояться первого в их жизни радио-

управляемого самолётика. Никаких проблем с управлением летающей мишенью ЛМ-17 не возникло бы и у сенатора-демократа преклонных лет.

Даже стартовало военное поделие с ramпы на пороховом движке, предварительно раскрутив пропеллер, а садилось на парашюте, чтобы операторам не приходилось возиться с традиционной самолётной посадкой.

При мысли о посадке Такэда ожидаемо помрачнел. Разумеется, старая флотская байка сулила всяческие блага для борта с разбитым в предельно короткие сроки в ранних вылетах самолётом.

«На счастье».

Росло это поверье из тягот палубных команд лёгких крейсеров, вынужденных прыгать вокруг своего единственного гидроплана на выносной кран-балке побольше, чем иные придворные Империи вокруг Янтарного трона. Штатной боевой части крейсерам не полагалось, так что занимались этим провинившиеся, уже после своей основной палубной работы. Разбитый самолёт освобождал их от этих мучений на срок от многих суток до месяцев.

Увы, для авианосца с дежурной палубной сотней правило не работало. Да и выбитая в первый же разведывательно-тренировочный шестисотмильный лепесток на посадке стойка шасси у пилотки с почти восемью сотнями часов налёта капитана Такэду изрядно озадачила.

На посадке «Казачок» экипажа Пшешешенко – Пщолы в

какой-то момент оказался почти на два фута ниже, чем следовало, и два косых лафта посадочной массы на шестидесяти пяти узлах скорости переломили металлическую стойку, как фанерную. Самолёт охромел, сломал винт о палубу и финишировал боком, чем изрядно развлёк палубную сотню и урядника лётной безопасности.

Капитан Такэда с удовольствием отметил, что сотенные и уряд работали почти идеально. А вот Марыська Пшешешенко со всем её формальным налётом – наоборот.

Рыжая зеленоглазая кошка в человеческом обличье даже ничего толком сказать не могла в своё оправдание. Сверкала на капитана возмущёнными изумрудно-зелёными глазами и плела какую-то ерунду о слишком большом волнении и качке палубы.

– Вообще-то при семи узлах ветра и волнах не выше полуметра качкой палубы можно пренебречь, – напомнил ей Такэда. – А вот следить за относительной высотой и скоростью – прямая обязанность экипажа.

– Командир, наш род числился в благородных семьях шляхты ещё до Перехода! – возмутилась Пшешешенко. – Такое недоверие слову унизительно!

– А этот самолёт ещё несколько часов назад числился в исправных, – парировал Такэда. – Такая потеря обидна.

– Пх-х-х! – Слова у Пшешешенко закончились. Осталось только нечленораздельное шипение.

– Вольно. – Такэда вздохнул. – Экипажу отдыхать и при-

водить себя в порядок. Самолёт ремонтпригоден. Я отлично понимаю, что это ваш первый настоящий боевой вылет. Но всё же постарайтесь не допускать в дальнейшем настолько обидных просчётов.

– Есть. – Проклятая Рысь, совершенно не чувствуя себя виноватой, метнула кулак от груди и ушла с глаз капитана долой.

Первой на посадку, до неё, заходила Розалинда-Антуанетта Сабурова-Сакаенко, и в тот раз капитан даже залюбовался тем, насколько изящно финишировал истребитель-бомбардировщик под её управлением. К сожалению, на остальные экипажи разведывательно-тренировочных вылетов это мастерство не распространялось. Экипаж Пшешешенко самолёт разбил. Два самолёта за ним сели тоже очень далеко от идеала.

Айвен Такэда списывал это на волнение от первого настоящего вылета, но в целом тенденция удручала. Золотой экипаж с большим подтверждённым налётом через одну летал чуть лучше коровы на пути в пропасть, и Такэда не имел ни малейшего понятия о причинах такого расхождения.

Не купили же они свои лётные сертификаты, в самом-то деле!

– Есть! Попали! – Радостный крик отвлёк капитана от размышлений. Беспилотник, уже с выкинутым тормозным парашютом и заглушенным двигателем, спиралью кружился в падении на палубу. Одно из крыльев обломилось почти в се-

редине – перебитое снарядам.

– Кто? – спросил капитан.

– Третья спарка по штирборту, – подтвердил Шеученка. – Расчёт Эффиндопуло.

– Чей расчёт? – фамилия оказалась для командира судна неприятным воспоминанием.

– В последний момент перед отходом из порта наняли, – похвастался Шеученка. – Семь лет сэнгуна за плечами. Человек с таким опытом, и вдруг к нам. Даже удивительно.

– А подать его сюда! – потребовал Такэда.

Как он и боялся, из ниши зенитных автоматов поднялась знакомая до боли фигура в форме частной военной компании. Окончательно убедила походка – даже в приспособленных для бега по горящей палубе моряцкой робе и клешах дворецкий семейства Тояма Калёб Эффиндопуло ухитрился шпацировать, как по майдану Демократии корнер отцов-основателей.

– Доброе утро, капитан-доно, – невозмутимо поприветствовал его тот. – Приятно увидеть вас снова. Я надеюсь, вам тоже по душе мои скромные таланты?

– Обманул, да? – Такэда закипал. Недавняя радость от работы зенитного расчёта исчезла в никуда.

– Извините, капитан-доно, – раскаяние на лице Калёба Эффиндопуло выглядело настоящим. Как у хорошего актёра. – Мои юные господа не должны остаться на войне без присмотра. Этот долг превыше меня.

– Разжаловать, – в бешенстве приказал Такэда. – В подающего. И с глаз моих долой, чтоб я тебя, жулика, на одной со мной палубе не видел больше. Исполнять!

И, не слушая ни возражений, ни оправданий Шеученки, ушёл с палубы.

Глава 6

Высокий Сын Неба. Пусть эта штука вознесет тебя еще немного выше!

Надпись на торпедо подводной лодки «Морской петух»

Подводник

– В целом рефлексy у вас в пределах нормы. – Доктор Харуми отложила в сторону фонарик и, взяв авторучку, принялась заполнять бланк осмотра длинными предложениями, по уровню нечитаемости оставляющими далеко позади шифровки командования флотом. – А вот зрачки чуть расширены. На что у вас такая реакция, фрегат-капитан?

– На вас, доктор, – соврал фон Хартманн и с удовольствием пронаблюдал, как стальное перо на миг зависло над бумагой, а на щеках доктора появился легкий румянец.

В принципе, он даже и не особо соврал. Харуми в свои двадцать два с хвостиком. – коротким, как её старательно убираемая под белую шапочку прическа – была на «имперце» одной из немногих особ противоположного пола, которых фрегат-капитану хотелось бы уложить в койку без всяких дополнительных оговорок. Потому что некоторых «матросов» Ярославу хотелось накрыть одеялом, положить на подушку любимого вязаного зайца – он успел заметить уже трех! – и рассказать сказку про рыбака, дочь морского царя и четыре заветных желания.

Правда, было и одно большое но. Сначала милейшую докторшу требовалось вытряхнуть из формы и драить до тех пор, пока не исчезнет даже намек на запахи лекарств. После трехмесячного хождения по медкомиссиям в процессе списания на берег у Хана Глубины выработалась очень стойкая идиосинкразия на врачей. Даже очень симпатичных и очаровательно краснеющих.

– В другой ситуации я оказалась бы... польщена. Однако в нынешних обстоятельствах версия о последствиях алкогольного отравления выглядит более вероятной, чем... естественная физиологическая реакция.

– Отравления? – недоверчиво переспросил Ярослав. – Стаканом спирта?! После бултыхания в забортной водичке?! Доктор, вы о чем вообще?! Там все последствия закончились раньше, чем я добрёл до каюты!

– Не думаю, что вы в тот момент могли сообр... адекватно оценивать свое состояние, – парировала Харуми. – Я вообще удивлена, как вы смогли спуститься по лестнице и благополучно дойти. Мариа... свидетельницы утверждают, что вас качало.

– Разумеется, меня качало. Все набились в рубке как стадо свин... а рулевой сказали «держать курс», так она и держала, притом что лодку развернуло лагом к волне и бортовая качка была градусов тридцать.

– И поэтому одеяло у вас, гм, вздымалось, как плащ у графа Гоэмона?

– Что?! Доктор, да вы же видели, я шел, закутавшись в три оборота!

– Не знаю, не знаю, – не отрываясь от тетради, отозвалась Харуми, – я же осталась в рубке, руководить реанимацией лейтенанта Неринг. Кстати, о вашем совместном купании среди экипажа тоже ходят разнообразные слухи.

Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что фрегат-капитан тоже всего лишь слегка покраснел. Разве что сжатые до белизны кулаки могли выдать, что фон Хартманн выбешен почти до предела. Любой из его прежнего экипажа, увидев Ярослава в подобном состоянии, побежал был прятаться как можно дальше и надежнее – например, в торпедный аппарат, хорошенько задраив за собой крышку.

– Слухи, – повторил фрегат-капитан. – Разнообразные. Что ж... согласен, это моя недоработка. Если у команды остается время обсуждать... купание, это значит, уровень боевой подготовки совершенно недостаточен. Придется исправлять.

– Только не говорите, – тут же встала на дыбы докторша, – что вы из мелочно-мстительных соображений решили загонять бедных девочек учебными тревогами. У них сейчас без того слишком большая нагрузка на организм и особенно психику. Это замкнутое пространство, отсутствие личного укромного места, качка, спертый воздух при погружениях... Предупреждаю, я вам не позволю еще и угробить их беспрерывными тренировками...

Фон Хартманн не на шутку задумался, может ли длительный недотрах вызывать у молодых женщин резкое снижение умственных способностей. О том, что подобный недуг способен молниеносно поразить матросов и даже младших офицеров, Ярослав убеждался неоднократно. Чаще всего это происходило в процессе чтения протоколов из военной полиции.

Кстати, о чтении... Не без усилия он оторвался от созерцания пуговичек верхней части халата и перевел взгляд на полку с тематической литературой. Часть названий, разумеется, была на латыни, но вот остальные...

– Доктор... – хотя Ярослав перебил Харуми на полуслове, голос его звучал спокойно, скорее даже вкрадчиво, – вы никогда не вырезали себе аппендицит? Самостоятельно, без наркоза и обезболивания?

– Простите... – отложив ручку, доктор удивленно посмотрела на фон Хартманна. – Вы это... серьезно спрашиваете?

– Я могу и по-другому сформулировать. Скажите, какой у вас опыт работы военно-морским медиком?

– Не менее странный вопрос, фрегат-капитан! – доктор попыталась возмутиться, но... как-то не очень уверенно и убедительно. – Вы же должны были читать мое личное дело. Как выпускница Императорского университета, я еще во время учебы прошла полный курс военно-полевой медицины у самого профессора Булочкина, после магистратуры была направлена в госпиталь Святой Заступницы...

А ведь в самом деле, подумал фон Хартманн, я же, идиот эдакий, действительно читал её дело. И звоночек, нет, ревун боевой тревоги должен был завопить уже тогда. Все же на поверхности, надо было лишь немного включить голову...

– Я действительно читал ваше дело, – произнес он вслух. – Отличный послужной список, прекрасные отзывы коллег... да и университет вы окончили «с бантом», подозреваю, для женщины это еще более непросто. Но я не увидел там главного: хоть какой-то практики работы судовым врачом, хотя бы на торговом судне, не говоря уж о корабле. Вы в своем госпитале хоть раз имели дело с теми, кого только что вытащили на борт? После торпедирования, обгорелых, как головешка, или наглотавшихся мазута? Знаете, чем различаются снаряды «тип 7» и «тип 9» стандартной корабельной пятидюймовки Конфедерации?

Харуми медленно качнула головой,

– Да, вижу, что не знаете. «Тип 7» – это фугасный «военного времени», с начинкой из тринитрофенола, при взрыве дает уйму ядовитых газов и вихрь осколков. Однажды на моих глазах из матроса вынули три десятка этой мелкой дряни, причем врач выискивал только самые крупные. По сравнению с «семеркой», «тип 9» сама гуманность. Полубронебойный, снаряжен тринитротолуолом, осколки сравнительно крупные, так что и раненых практически не бывает... Когда в человека на большой скорости прилетает кусок зазубренной стали, он после этого если живет, то плохо и недолго,

пока кровь не вытечет.

Фраза получилась длинная, и за это время доктор Харуми успела немного собраться с мыслями.

– Я по-прежнему не понимаю, к чему вы все это рассказываете, фрегат-капитан, – холодно сообщила она. – Может... предположим, я не имею такого богатого опыта, как вам бы хотелось. Но я врач, и, поверьте, видом крови меня не напугаешь.

– Что вы врач, я верю. Меня интересует, какой вы врач?

– Я все еще не пони...

– Лейтенант медицинской службы флота! – повысил голос фон Хартманн. – По какому профилю вы заканчивали университет? Что стояло у вас в дипломе?

– Я... – Харуми судорожно сглотнула, – не желаю отвечать на этот исключительно хамский вопрос.

– Как пожелаете, доктор, – улыбнулся фрегат-капитан. – В таком случае я просто запрошу нужную информацию по радио.

– Вы не посмеете...

– Посмею, посмею. Вы же тоже наверняка читали мое дело, медицинскую его часть. У меня там в анамнезе много всякого разного, но вот в отсутствии решительности еще не один служитель Гиппократа не заподозрил. Так что будет играть в оскорбленную невинность или... Кто вы, доктор Харуми?

– Громче, пожалуйста.

– Гинеколог...

То, как Харуми произнесла это слово, должно было заставить змей с её петличек сдохнуть в корчах, весело подумал Ярослав. Не от яда, так от зависти. Что ж, одна мина в заграждении обнаружена. Осталось еще полсотни.

– Учитывая состав нашего экипажа, в чем-то даже логично, не так ли? Хотя обычно логика и кадровый отдел Адмиралтейства существуют в разных измерениях. И, доктор... не надо на меня смотреть, словно вы собираетесь мне в горло вцепиться. Во-первых, я невкусный, во-вторых, повода нет. У меня на третьей лодке доктор вообще изначально был урологом... Причем его-то знания оказались как нельзя кстати, со всей бригады к нему страдальцы бегали. А на первой лодке врача не было вообще, только электрик с фельдшерскими курсами. Так что расслабьтесь, ничего страшного не слу...

Договорить фразу Ярославу не позволил глухой рёв из носовой части подводной лодки. Следом раздался металлический грохот, чей-то отчаянный визг... и запоздалый вой сирены!

К этому моменту Ярослав был уже в коридоре, пробегая, точнее, прорываясь через мешанину тел и приборов к центральному отсеку. Сирена продолжала выть, вдобавок воздух стремительно насыщался какой-то мутной взвесью... с характерным запахом!

– Срочное погружение! – расслышал он сквозь вой срывающийся от волнения голосок Анны-Марии. – Задрать лю-

ки, кормовые рули...

– Отставить погружение! – заорал фон Хартманн в проем люка. – Продуть балласт! Вентиляторы на полную мощность! Вахтенный офицер, бегом в носовой отсек, выясняйте, что за хрень они учинили с гальюном.

Миг спустя он получил чувствительный удар в бок чем-то круглым и твердым. В медицинской сумке доктора Харуми, протиснувшейся мимо командира с целеустремленностью и грацией учуявшего желуды кабана, явно были то ли гантели, то ли ручные бомбы.

Фрегат-капитан улыбнулся ей вслед, потёр ноющий бок и снова принялся. «Аромат» отхожего места никуда не пропал, наоборот, за прошедшие секунды он стал заметно сильнее. Зато к нему не примешивалось запаха хлора – значит, аккумуляторные ямы не затоплены, и еще поживем.

Анна-Мария вернулась минут через пять, волоча за собой на буксире хлюпающую носом девчушку в мокрой и грязной форме, с замотанной бинтом головой. Вроде бы одна из торпедисток, припомнил фрегат-капитан, хотя сейчас это чудо даже мать родная вряд ли признает.

– Вот она! – Обличительный пафос восклицания Тер-Симонян был заметно смазан. Чтобы вытолкнуть виновницу случившегося вперед, ей самой пришлось вжаться между маховиками балластных цистерн.

Девчушка в очередной раз всхлипнула и попыталась вытнуться, затравленно глядя на Ярослава. Хотя фон Харт-

манн сидел на пуфике, глаза у них были примерно на одном уровне.

– Я-я просто... а оно как...

– Другие жертвы и разрушения имеются? – через голову юной диверсантки осведомился фрегат-капитан.

– Носовой галюн выведен из строя на неопределенный срок! – четко и громко доложила Тер-Симонян. – Второй отсек нуждается в тщательной отмывке... и дезинфекции. Пострадавших физически, кроме матроса Шигин, первичным осмотром не выявлено.

– Зато много пострадавших морально, – добавила навигатор, с момента катастрофы пытавшаяся дышать через обильно смоченный духами платок.

– Даже так? – с демонстративной заинтересованностью переспросил фон Хартманн. – Хм... какая там глубина в нашем районе? Девяносто саженей? Надо бы провести внеплановое учение... Лечь на грунт часов на десять-двенадцать, полная тишина в отсеках, никакого хождения... особенно по всей лодке... к кормовому галюну.

Он был уверен, что громкая связь выключена. Однако «полный неизбывной тоски», как любили писать в старинных книгах, стон донесся и с носа, и с кормы.

* * *

...Они все ошибались. Каждый. Они все ошибались

изначально. Не так уж и сильно, но в нашем деле не требуется ошибаться сильно, чтобы тебя убило. Да, никто из этих лётчиков не погиб в бою. Только после.

Их всех погубила недостаточная лётная подготовка.
*«Эвондть оно как», учебный фильм ударных полусотен войска
морского, лента первая*

Капитан Такэда. Личное время экипажа

Очередная капитанская прогулка Такэды, с мечтой слегка развеяться после вахты, закончилась на ангарной палубе. Шумное собрание в стороне от главных рабочих мест экипажа привлекло его внимание. Станичники окружили самолёт в стояночных замках и обсуждали что-то настолько активно, что появление командира попросту не заметили. Айвен Такэда вспомнил уроки неформального курса грубой шутки Даллена МакХэмилла в академии и постарался до последнего не привлекать к себе внимания.

– Здорово, полусотня! – гаркнул он в спины девчонок своим лучшим командирским голосом.

– Рэнго банзай! – слитный рефлекторный взвизг нескольких десятков глоток на восточный манер срубил хулиганскую выходку на взлёте.

– Ну и что это за стихийное боярское собрание? – чтобы скрыть неподобающие эмоции от звона в ушах спросил Айвен у пёстрой толпы вокруг одинокого «Казачка».

– Тоямы поспорили, что знают кабину с закрытыми глазами, – первой на вопрос капитана откликнулась бортстрелок

Сашенька Прибылова.

– А ну-ка! – Такэда потянул складную лестницу на себя. – Юнона-сан, если позволите...

– Разумеется, Такэда-доно. – Словно точёная из фарфора, белокожая и золотоволосая красавица в кабине безошибочно повернула к нему голову с плотным, в несколько слоёв, шёлковым платком на лице.

– Юнона-сан, вы знаете, что ваша попытка опознать командира через платок достаточно сильна, чтобы я почувствовал, даже не концентрируясь? – спросил Такэда. – Кабину самолёта вы тем же образом «вспоминаете»?

– Такэда-доно, а вы что, тоже?.. – удивилась Тояма.

– А-ранг, две с половиной мили, допущен к посадке в туман и ночью, – подтвердил Такэда. – Но всё-таки?

– Разумеется, нет, Такэда-доно! Это же спор чести. – Тояма улыбнулась. – Здесь собрались, может, и не такие сильные видящие, как вы, но уж разглядеть жульничество на дальности от пола до кабины их вполне хватит. Да и Ясноглазая Роза у меня за спиной вряд ли промолчит, если что. Вы отлично знаете, что она чувствует палубу на посадке даже через корпус самолёта.

– Ясноглазая Роза? – Айвен только после этого упоминания заметил, что на втором месте экипажа в «Казачке» старательно не привлекает к себе внимания Сабурова-Сакаенко.

– Добрый вечер, Такэда-доно, – застенчиво улыбнулась

та. В её случае, и Такэда знал это совершенно точно, многосложность имени с фамилией лишь компенсировала малую знатность рода.

По фактической лётной подготовке Розалинде-Антуанетте следовало поручать не меньше звена для разогрева, а по результатам и меньшей отрядной головой ставить. Дочка вчерашних, и века не прошло, скотопромышленников, бывших поставщиков имперского флота с жалованной наследственной грамотой Янтарного трона, она чувствовала самолёт, как никто другой. Но по меркам «золотой» сотни ВАС-61 и ВАС-62 её гонора едва хватило, чтобы не лететь в бой задней табуреткой.

На месте, куда больше подобающем детям боярским, чем боярам, чувствовала она себя неуверенно и стараласьшний раз не привлекать к себе внимания.

– Ну что же, – Такэда улыбнулся. – Закрылки, Тояма-сан.

Рука безошибочно легла на контрольный рычаг – без малейшего проявления родовых сил.

– Главный оружейный предохрани́тель.

Юнона послушно взялась за ярко-алый железный колпачок с палубной стояночной чекой в замке и демонстративно подёргала его на себя.

– Тангаж. – Как и учили в академии, Такэда называл приборы управления вразнобой, на изрядном удалении друг от друга, и по-разному, но Тояма справлялась. – Контроль шага винта. Селектор топливных баков. Стартёр... Ну что же,

отлично.

– С вашим авторитетом честная победа весомее и убедительнее. – Тояма сняла повязку и небрежным жестом поправила растрёпанные волосы. – Спасибо, Такэда-доно.

– Что, сам результат вас не удивляет, Юнона-сан? – поинтересовался тот в ответ.

– При достаточном количестве усердия запомнить можно что угодно. – Тояма раскрутила плотно сложенный платок и заученными до автоматизма движениями превратила его обратно в элегантный шейный бант. – Я не из тех, кто в бою вычитывает мелкий шрифт чек-листов на панели управления.

Такэда содрогнулся. Такой самоуверенности он совсем не ждал. В академии это всё ещё на первом курсе выбивали, быстро и безжалостно. Звук вывинченной из креплений переговорной трубки в момент перед ударом инструктора по голове со второй табуретки учебного самолёта – и сам удар – помнили все без исключения курсанты, независимо от благородности и боевой специализации.

– Это прекрасно, – демонстративно согласился Такэда. – Но всё же не стоит чрезмерно доверять своей памяти. Чек-листы не подведут никогда.

– При всём уважении, их тоже можно запомнить, Такэда-доно? – Юнона Тояма попросту не поняла и даже не осознавала своей ошибки.

– При всём уважении, смысл чек-листа не в этом, и ты его упускаешь, – терпеливо пояснил Айвен, пытаясь звучать

максимально убедительно. — Рано или поздно, в жутком напряжении, ты неминуемо забудешь что-то очень-очень простое и очень-очень важное. И у тебя не будет времени перелопачивать свой чердак в поиске того, не знаю чего. Только не в бою. Только не после него. Только не в посадку на последних каплях горючки, боком, с обгрызенными элеронами. Когда нужно выпустить посадочный гак? Выпустила ли ты его? Что там с шасси? Где выставлен рычажок главного оружейного предохранителя? Повезёт ли тебе это не забыть, а? Ну, скажи честно, пока сидишь на холодную с крыльями, уложенными вдоль корпуса: повезёт ли? Или кому-то придётся отмывать твои ошибки с палубы вместе с тобой, а мне читать проникновенную речь над искорёженным остовом с покрытой флагом кабиной, пока вас троих готовятся спихнуть за борт?

— Ну уж механику старта и посадки забыть невозможно! — выкрикнула снизу из толпы вторая близняшка Тояма. — Командир, я понимаю, что вы за нас в ответе, но у нас всё-таки достаточный лётный опыт.

— Я знал парня с «достаточным лётным опытом», который настолько полагался на свою память, что в один далеко не самый прекрасный день пошёл на взлёт раньше, чем палубная команда успела развернуть ему крылья, — раздражённо пояснил Такэда. — Он так и не понял, что происходит. Не успел. Свалился точно по курсу, футах в ста. Шестнадцатитысячник на полном ходу от него даже мусора не оставил.

Ответом ему стало потрясённое молчание.

– Пожалуй, я оставлю вас наедине с этой мыслью, – сказал Такэда. – Всё-таки скоро отбой.

Но уйти далеко Айвен Иванович Такэда не успел. Ему на встречу попала до оскомины уже знакомая фигура с бомбовой тележкой с закреплённым вместо бомбы раскладным чайным столиком с морскими штормовыми замками. Поверх роскошного шедевра краснодеревщика чинно ехали походный самовар, охотничий сервиз из нескольких металлических судков для заварочного чайника, сливок, масла, каменной соли и кускового сахара, ложечки, щипчики и стопки металлических же стаканчиков – с золотой гравировкой по серебру, камнями, фамильными гербами и целым заповедником геральдических животных.

– Опять ты здесь? – раздражённо спросил Айвен при виде Эффиндопуло.

– Мои извинения, Такэда-доно, – улыбнулся дворецкий. – Попробуете чёрного прессованного чаю? Копчённый на смоле, такой же поставляли в летний дворец Янтарной династии.

– Подающий четвёртого ранга Эффиндопуло, не понимаю, вам заняться, что ли, нечем?

Полусотня, оставив самолёт, замороженно тянулась на запах, и Такэде приходилось выбирать слова.

– При всём уважении, Такэда-доно, сейчас я занят именно этим, – дворецкий невозмутимо протянул ему один из «гостевых» стаканчиков. Тот, как оказалось, пребывал в идеаль-

ном соответствии с геральдическими требованиями к посуде единственного на данный момент представителя юной династии морских ястребов Такэда и благодаря искусству ювелира даже не выглядел оскорбительным новоделом. – Я подаю чай.

– Смешно пошутил, – согласился Айвен, но чай всё же взял. – Но почему здесь и чай, а не в техническом коридоре по штирборту – ремкомплект для обслуживания ствола и механизмов?

– Согласно действующему расписанию, сейчас идёт моё личное время, Такэда-доно. – Дворецкий невозмутимо обслуживал полусотню. Судя по тому, как организовано и эффективно помогали ему на подаче бортстрелки, занимался он этим в их компании далеко не впервые.

– А спишь ты когда, «личное время»? – спросил Такэда.

– Мне хватает, Такэда-доно. – Переупрямить дворецкого оказалось попросту невозможно. Его лицо излучало доброжелательность, понимание и заботу, как у врача психологического стационара на беседе с проблемным сыном уважаемых родителей. – Долг превыше любой плотской усталости.

– Я тебя у них отберу, – заявил Такэда. – Вместе с чаем. Капитанским приказом с занесением в бортжурнал. И отдам палубным и набольшему голове уряда лётной безопасности. С такими повреждениями бортов на посадке девчонки попросту не заслужили дворецкого.

– Такэда-доно, палубу и впрямь слишком качает, – недо-

вольно заявила Пшешешенко. – Мы понимаем, идёт война, и в строй отправляют всё, что может сражаться, но это действительно судно, а не корабль!

Её бортстрелок, Яська Пщола, демонстративно покивала в подтверждение каждого слова командира экипажа и без слов промычала что-то утвердительное.

– Это судно на восемь пятьсот чистого водоизмещения, и нас ещё ни разу по-настоящему не качало, – устало заявил Такэда. – Сколько можно прятаться за эту нелепую отговорку? Если бы вы садились хоть раз по третьей процедуре, вы бы знали, что такое качка... Но метеорологи и вторую за этот переход ни разу не объявляли ещё!

– Тогда почему так бросает палубу? – толпа взорвалась гомоном недовольных голосов. – Мы на тренировке на самоходную баржу-пятёрку садились, угольную, её никогда так не качало!

– Простите, на какую ещё угольную баржу? – Такэда не мог поверить своим ушам. – Конфедерация не возит уголь баржами. Даже для старичья позапрошлой войны есть нормальные эскадренные угольщики!

– Ну так никто и не говорит, что морскую! Дядя нашей Сэм одолжил для тренировок моторизованный «светлячок» и даже смонтировал почти настоящую лётную палубу для наших тренировок. В озере Холодном.

– Вы хотите сказать, – Айвен Иванович Такэда впервые чувствовал, что от него ускользает дар речи. – Вы хотите ска-

зять, что ваши семьсот часов учебного налёта, все тренировки и подготовка шли на Семи озёрах? В четырёх сотнях миль от ближайшего морского берега? Серьёзно?!

— Но мы же по-настоящему учились! — яростно сверкнула глазами Пшешешенко. — С героями первых боёв за архипелаг!

— Вы не учились, — отрезал капитан. — Вы просто жгли авгаз под командованием брошенных в топку резервистов мирного времени, которым повезло не сгореть до конца. Цистернами жгли. Эшелонами. Имперскому пилоту за такой ущерб экономике Конфедерации скрещенные лабрисы с янтарным бантом на грудь приколют!

Толпа взорвалась недовольным гомоном.

— И судя по тому, что никто из ваших «учителей» даже не заметил разницы, — повысил голос капитан, — они все тоже с аэродромов островного базирования. Вы идёте в настоящий бой с жирной дырой в лётной подготовке. С чем я нас всех и поздравляю!

* * *

И у последнего порога
Нам командир внушает строго,
Что в небе нет ни звёзд, ни Бога —
Есть только мы!

Александр Городницкий

*Передовой аэродром 12-й авиагруппы «длинного прыжка»,
авиабаза 2-го Императорского воздушного флота «Нагината»,
Буревые острова*

Штурман явно нервничал. Он попытался встать из-за стола, едва отзвучала сирена, но застыл на половине движения, увидев, что все остальные по-прежнему сидят.

– Не дергайтесь вы так, лейтенант неба, – добродушно буркнул Тихон Хямяляйнен, сосредоточенно пытавшийся выловить среди лапши последнюю императорскую креветку, – еще ничего не кончилось.

– Но...

– Это всего лишь улетели бомбовозы. Сейчас аэродромная обслуга высунет нос и попробует оценить ущерб. Затем пролетит их фоторазведчик и сделает это же самое, но для «того берега».

– Главное, чтобы не было попадания в полосу, – добавил второй бортинженер, с белой налобной повязкой, на которой аккуратными женскими стежками было вышито «Петрович». – Эти новые противоаэродромные бомбы очень поганая штука. Пробивает десять вершков бетона и взрывается под ними, вспучивая плиты. Даже при здешней технике, это не меньше суток ремонта: пока срежут все лишнее, заровняют в ноль, и заплатка застынет. Хуже только главный калибр с моря.

– А что, тут и такое бывает? – удивился штурман.

– Здесь все бывает, – веско произнес майор, и все сидящие за столом одобрительно закивали. – А с моря нас обстреливали последний раз... в феврале?

– В марте, – поправил его четвертый бортинженер. У него белую полоску «Иваныч» нашили прямо на грудь комбинезона. – Точно в марте, аккуратно на именины тещи пришлось, мне супружница еще потом долдонила, чего, мол, телеграмму не отбил. А как тут отобьешь, когда от радиостанции две воронки!

– Дождались «шторма с пенкой», в смысле с магнитной бурей, и подогнали кружным путем пару линейных крейсеров. – Хямяляйнен отставил миску с лапшой и потянулся за молоком. – Шесть сотен снарядов, это вам не барбос чихнул. В полосу, правда, только четыре попало, а в ангары вообще ни одного, но базе досталось. Хорошо еще у нас тут все, что можно, под землю попрятали, а после того раза еще больше и глубже копать начали.

– П-понятно, – кивнул штурман. – Я и не знал.

– Да канешна... кто ж в газетах такое напишет.

– Так что не спеши, молодой, – подвел итог лекции майор. – Спокойно поснедай. Если полетим, лететь нам до-олго.

Возможно, штурман и хотел бы последовать совету старшего боевого товарища и своего непосредственного командира, но из-за волнения ему банально кусок не лез в горло. Тихон Францевич, откинувшись на спинку стула и сцепив

руки на пузе, вполглаза наблюдал, как лейтенант пытается давиться бутербродом с сакуровым джемом, и тихо посмеивался, про себя, разумеется. Известное дело, все такими были когда-то. И он сам, и даже бессмертный, то есть бессменный командир «двенадцатой», барон фон Розенблюм-дер-Васен. Понимание, что самая большая профессиональная опасность для летчиков сверхдальней авиации – это геморрой, приходит далеко не сразу.

Все же лейтенант оказался упорным и сжевал почти весь бутерброд, прежде чем звонок над дверью в столовой дважды коротко взвизгнул, вызывая экипажи на брифинг.

Как обычно, карта на стене была до времени закрыта занавеской, а рядом с грузной фигурой барона переминался с ноги на ногу главинженер группы, то и дело пролистывая исчерканный карандашными пометками блокнот.

– Итак, – барон сделал паузу, дожидаясь, пока стихнут перешептывания в зале, – сегодня гости «с того берега» сумели добиться целых трех попаданий в атолл, считая бомбу, проделавшую новый проход в рифе. Синоптики тоже дают добро на маршрут, значит, вылету быть!

Зал ответил на это сообщение всплеском одобрительного гула и снова затих, когда фон Розенблюм поднял стек.

– Главный инженер, что с готовностью у «птичек»?

– Что ж... – главинженер задвинул обратно к переносице сползшие было на кончик носа очки. – Вторая, – инженеры и прочий наземный технический состав личные имена самолё-

тов игнорировали с принципиальностью, доходящей до религиозного фанатизма, – третья и пятая машины готовы без ограничений, первая и седьмая – ограниченно.

Этот приговор зал снова встретил гулом, на этот раз с отчетливо различимыми нотами разочарования.

– Тишина! – рявкнул барон и уже более нормальным тоном продолжил: – Ну что вы, право... Каждый раз одно и то же, как дети малые. Рапорт все слышали?! Экипажам «Небесного дракона», «Грозового кабана» и «Степного орла» остаться для получения задания, «Зоркий сокол» и «Черный дракон» подходят позже за маршрутами патрулирования, остальные – на выход.

Даже сквозь шум встающих и толпящихся у входа Хямляйнен явственно расслышал за спиной облегченный выдох штурмана. Юный лейтенант до последнего момента боялся, что и сегодня ему не суждено подняться в небо, как и предыдущие восемь дней. Эх, молодость, молодость, ветер в голове. И того не знает, что «приговор» главинженера – это еще только полдела. Вот если взлетим да начнем набор высоты...

Наконец дверь за выходящими захлопнулась, и командующий авиагруппой отодвинул занавеску, явив оставшимся знакомую до последнего берегового камушка карту побережья Конфедерации. Как и положено, в неё было воткнуто десять красных флажков, и фон Розенблюм, сопя, принялся снимать лишние, пока помеченными не остались лишь три цели.

– «Небесный дракон», на сегодня ваша цель – Быдгощ.

– Порт или железную дорогу? – флегматично уточнил командир бомбовоза.

– М-м-м, – барон задумался, – смотри по высотному ветру в районе цели. Если с моря, то порт. Если с берега – лучше по сортировочной наводиться. А то снесет в бухту, опять их писаки будут злобно клеветать, что мы за тридевять земель летали рыбу глушить да ил баламутить. Ясно? Так, «Кабан», сегодня пойдете на Новый Константинополь.

– А там-то что? – удивленно спросил майор Ямадзаки, получивший назначение на «тройку», как шутили, как раз из-за плотного телосложения, делавшего его похожим на названного зверя. – Он же, ить это, рыболовный порт, ну и каботажный.

– По данным разведки, – кривые усмешки подчиненных фон Розенблум демонстративно проигнорировал, – конфедераты поставили там на ремонт мегалинкор. Мол, основные ремонтные мощности у них уже заняты, будут чинить прямо у стенки.

– Мегалинкор?! – недоверчиво уточнил Ямадзаки. – Ну, допустим... а что я ему сделаю? Даже если вместо фугасок бронебойные повесить... Они, кстати, у нас на складе есть? Что ему четыре пятисотфунтовки сделают?

– Бронебойных в наличии нет, – быстро пролистав блокнот, доложился главинженер, – есть фугасные, зажигательные и агитационные.

– Вешай зажигалки! – решил барон. – Ремонт – дело такое... пожароопасное. Вон у нас лет восемь назад тяжелый крейсер на ремонте так полыхнул... Три дня тушили-тушили, на четвертый один корпус обгорелый остался. Списали, понятно, на диверсантов и прочие происки врагов, но, – фон Розенблум понизил голос, – говорили, началось все с того, что кто-то из маляров окурков в люк выкинул, а там как раз свежая окраска, пары и все такое. Вот. А у тебя целых четыре бомбы.

– Да, звучит убедительно, – согласился Ямадзаки. – Осталось только попасть в нужный люк с высоты в девять верст.

– Это уж пусть твой бомбардир старается, – развел руками барон, – для этого ему и прицел дорогуший даден и паёк усиленный. Вот пусть отрабатывает. Уяснил задачу? Теперь «Орел». Сегодня твоя цель – Новые Васюки, тьфу, Нагасаки!

– Штаб Шестой армии береговой обороны? – деловито уточнил Хямяляйнен.

– А разве там когда-то что-то еще было? – задал встречный вопрос фон Розенблум. – Они ж, заразы, потому там и сидят, что это «курортная жемчужина восточного побережья», – последнюю фразу он проблеял, подражая рекламному радиосообщению. – И не кривись тут. Цель хорошая, заметная, гражданских рядом нет, кусок пляжа они себе оттяпали – дай боженька каждому.

«Зато там зенитки есть», – мысленно возразил Тихон Францевич, но произносить этого вслух не стал. В конце кон-

цов, они все-таки на войне.

Впрочем, раздражение в нем засело, и когда уже в ангаре выяснилось, что из трех положенных по регламенту зарядников-прогревателей приехало только два, он едва не наорал на старшего по предполетной. К вящему удивлению последнего, да и всех наблюдавших сие действие. В жарком климате Буревых островов предстартовая система подогрева двигателей даже дизельным бомбовозам требовалась примерно как рыбе зонтик, поэтому наличие зарядников требовалось исключительно из-за «Трижды священного писания», оно же «Регламент подготовки к вылету», изменить в котором даже запятую было куда сложнее, чем вносить поправки в Конституцию Конфедерации, – четыре с лишним сотни депутатов обеих палат тамошнего сейма были куда более вменяемыми и договороспособными людьми, чем два десятка величественных дубов из комиссии инженерно-конструкторского департамента.

Заодно Тихон приказал «содрать к чертям свинячим!» уже год болтавшийся вдоль стены транспарант: «Десять тысяч верст бомбовоза – десять тысяч бомб на головы коварного врага!» Во-первых, как выдающий секретные характеристики – хотя посторонних в ангаре не могло быть по определению, да и боевой радиус бомбовозов «длинного прыжка» на острове знали даже кокосовые пальмы. А во-вторых, как понижающий моральный дух личного состава, ибо десять тысяч, деленное на четыре бомбы за раз, выглядело...

не очень достижимым в обозримом будущем.

Окончательно же майор Хямяляйнен успокоился, уже когда их вытащили в начало взлетной полосы. Все же осознание принадлежности к элите элит Небесной Гвардии командирам сверхдальних бомбовозов, с личными именами, послужным списком и личными же наградами, которым позавидовали бы иные адмиралы, творению имперского гения и плоду кропотливого труда сотен рабочих, вручную собиравших на стапелях каждый бомбовоз, грело душу и радовало сердце. Примерно как возлежать в ванне с видом на город и с дорогой гейшей, разминающей плечи, только здесь умопомрачительные деньги тебе платят, а не наоборот.

По взмаху флажком из кабины бортинженеров техники начали процедуру внешнего запуска двигателей – ближняя пара тянущих, вторая пара толкающих и далее. Один за другим громадные дизельмоторы прочихивались и начинали раскручиваться, затягивая все вокруг сизыми клубами солярного перегара. Последним, как и положено, завелся одиннадцатый, наполнив фюзеляж утробным гулом.

– Все в норме, командир! – высунувшись в коридор, отрапортовал Петрович. – Шесть тянут, четыре толкают, нагнетающий запущен!

Усмехнувшись про себя – чтобы не пугать «молодого», бортинженер использовал окультуренную формулу доклада «шесть пердят, четыре дымят, один разваливается!» – майор медленно двинул вперед сектора газа. Теперь «Степной

орел» вибрировал от носового остекления до пламегасителя хвостовой авиапушки каждой своей заклепкой. «До краев» заполненные топливом, длинные крылья провисли, почти касаясь законцовками бетона. Хмяляйнен терпеливо дождался, пока стрелки оборотов уйдут во «взлетную» зону, и выжал рычаг тормозов. Бомбовоз вздрогнул, медленно выкатился из дымной тучи, замер... и покатился вперед по полосе, подпрыгивая на стыках бетонных плит. Верста... полторы... нос бомбовоза чуть приподнялся... Две... тут все пилоты обычно поминали конструкторов, продемонстрировавших генералам машину, влетевшую после неполных двух верст разбега... опытную, вылизанную «до винтика» и с неполной загрузкой. Две с половиной... две с... Отрыв!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.